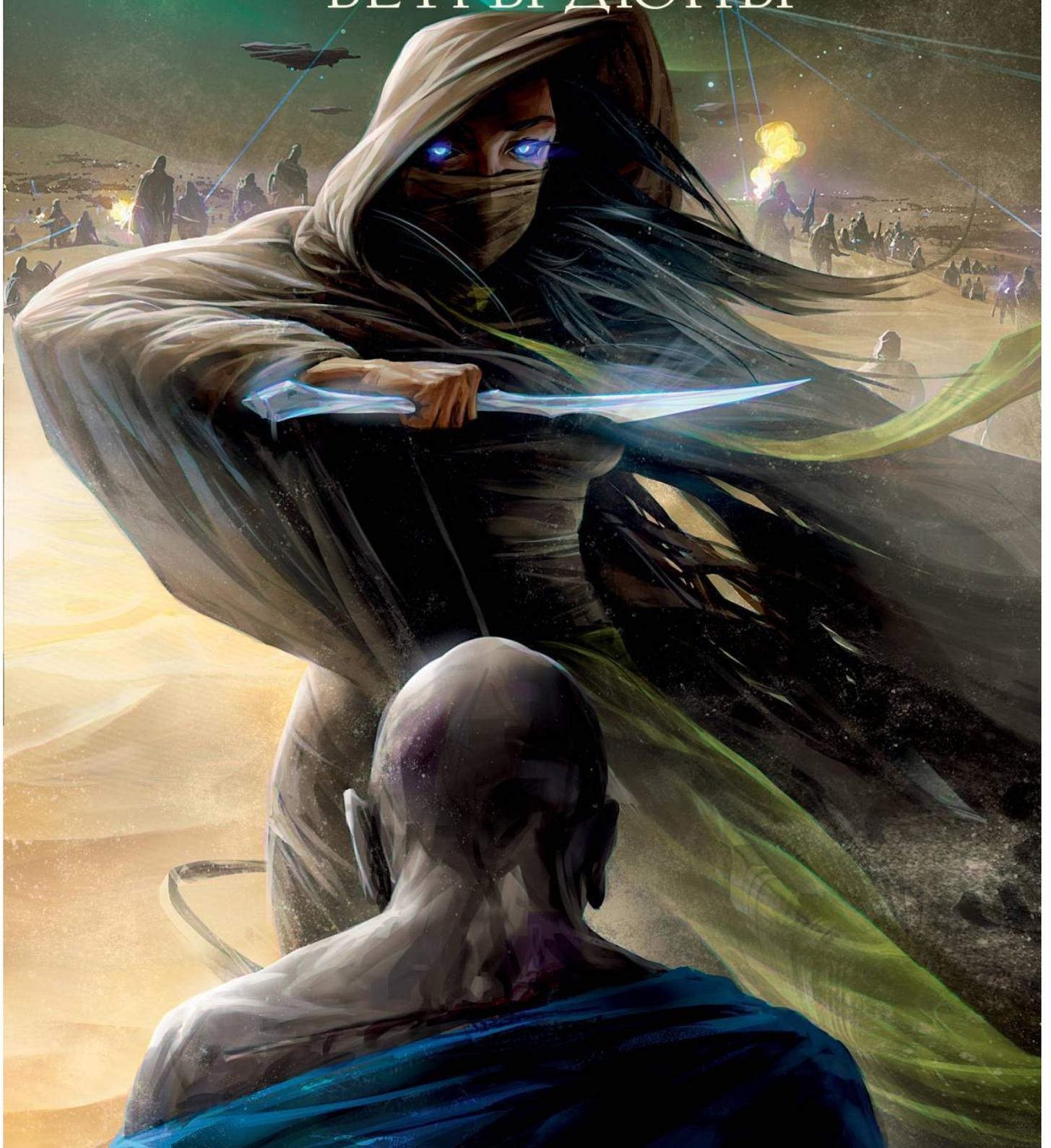

Брайан Герберт, Кевин Андерсон

ДЮНА

ВЕТРЫ ДЮНЫ

Дюна

Кевин Андерсон

Ветры Дюны

«Издательство АСТ»

2009

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Андерсон К. Д.

Ветры Дюны / К. Д. Андерсон — «Издательство АСТ»,
2009 — (Дюна)

ISBN 978-5-17-152615-3

Действие нового романа Брайана Герберта происходит между книгами «канонической» части саги — «Мессия Дюны» и «Дети Дюны. Ослепший Пол Муад'Диб исчез в пустыне, оставив Империю своей шестнадцатилетней сестре. Фанатичная принцесса-воительница Алия, ставшая регентом при близнецах, рожденных от Пола его возлюбленной Чани, пытается управлять Империей при помощи беззаветно преданного ей Дункана Айдахо. Вдовствующая императрица Ирулан под давлением Алиии продолжает свой труд по обожествлению Муад'Диб. В это сложное время с Каладана возвращаются на Дюну Джессика и Гарни Холлик...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-152615-3

© Андерсон К. Д., 2009

© Издательство АСТ, 2009

Содержание

Часть I	6
Часть II	50
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Брайн Герберт, Кевин Андерсон

Ветры Дюны

© Herbert Properties LLC, 2009

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

* * *

*Для фрименов он – мессия;
Для побежденных – он тиран;
Для Бене Гессерит он – Квисац-Хадерах,
Но Пауль – мой сын и всегда будет им, как бы далеко ни зашел.
Леди Джессика, герцогиня Каладана*

Император Пауль Муад'Диб пережил покушение, в результате которого прожигатель камней лишил его зрения. Он ослеп, но видел, как распадается его империя, как политическая напряженность и давно загноившиеся раны грозят покончить с его правлением. И в конечном счете знал – благодаря то ли предвидению, то ли рассуждениям, на которые был способен как ментат, – знал, что проблемы неразрешимы.

Его возлюбленная Чани умерла при родах, новорожденные близнецы остались беспомощными, а Муад'Диб отвернулся от человечества и своих детей и ушел в пустыню, оставив империю своей шестнадцатилетней сестре Алиш. Так он отказался от всего, что пытался создать.

*Даже самые старательные историки никогда не узнают почему.
«Муад'Диб: анализ истории»
Бронсо Иксианского*

*Хотя он и ушел, Муад'Диб никогда не переставал испытывать нас. Кто мы такие, чтобы сомневаться в его выборе? Где бы он ни был, жив он или мертв, Муад'Диб продолжает следить за своим народом. Поэтому нам следует молиться о его руководстве.
«Наследие Муад'Диб» принцессы Ирулан*

Часть I

10 207 год

После свержения Шаддама IV Пауль Муад Диб четырнадцать лет правил как император, сделав новой столицей Арракин, на священной пустынной планете Дюне. И хотя его джихад наконец завершен, продолжают вспыхивать конфликты.

После того как Пауль взойшел на трон, его мать леди Джессика удалилась от постоянных столкновений и политических интриг и вернулась в родовой дом Атрейдесов, где сейчас она правящая герцогиня.

В частной жизни на Каладане я редко получаю сообщения о джихаде своего сына, и не из нежелания знать, а сами новости таковы, что мне редко хочется их услышать.

Леди Джессика, герцогиня Каладана

Корабль, не указанный в расписании, повис на орбите над Каладаном. Прежде это был корабль Гильдии, но потом его использовали на службе джихада.

Мальчик из рыбацкой деревни, ставший учеником пажа в замке, прибежал в сад. Неуклюжий в непривычной ливрее, он выпалил:

– Это военный корабль, миледи. Он вооружен!

Склонившись к кусту розмарина, Джессика срезала ароматную веточку для кухни. Здесь, в своем личном саду, она растила цветы, травы и кусты – совершенная комбинация порядка и хаоса, полезная флора и растения, приятные для глаз. Джессика любила работать и размышлять здесь, в расветной тишине и спокойствии, обихаживая растения и выпалывая сорняки, которые норовили нарушить тщательно поддерживаемое его равновесие.

Не реагируя на панику мальчика, она глубоко вдохнула ароматные масла, высвобожденные ее прикосновением. Поднявшись, Джессика стряхнула грязь с колен.

– Они прислали сообщение?

– Только о том, что высаживают группу посланцев Кизарата, миледи. Требуют разговора с вами. Говорят, это срочно.

– Требуют?

Молодой человек вздрогнул, увидев выражение ее лица.

– Я уверен, миледи, они имели в виду просьбу. Разве посмеют они требовать что-либо от герцогини Каладана, матери Муад'Диб? Но, наверно, новости очень важные, раз послали такой корабль!

Молодой человек явно ощущал себя как угорь, выброшенный на берег.

Джессика поправила платье.

– Что ж, наверно, посланец считает свое дело важным. Вероятно, очередная просьба увеличить квоту на паломников, которым разрешено побывать здесь.

Каладан, где больше двадцати поколений правил Дом Атрейдесов, избежал бедствий джихада главным образом благодаря отказу Джессики позволить высаживаться здесь инопланетным странникам. Населению Каладана, самостоятельно обеспечивавшему свои нужды, хотелось, чтобы его оставили в покое. Народ с радостью принял бы возвращение герцога Лето, но герцог погиб из-за предательства в самых высших сферах; и теперь у народа есть его сын Пауль Муад'Диб, император Известной Вселенной.

Несмотря на все усилия Джессики, Каладану никогда не удавалось полностью изолироваться от бурь, бушующих в галактике. Хотя Пауль мало внимания уделял родной планете, он здесь родился и вырос, и жители планеты не могли уйти из тени, отбрасываемой ее сыном.

После многих лет джихада Пауля израненную империю зимним туманом окутала холодная усталость. Глядя на мальчика, Джессика подумала, что он родился уже после того, как Пауль стал императором. Мальчик никогда не знал ничего, кроме джихада и самой мрачной стороны натуры ее сына...

Она двинулась из сада, бросив мальчику:

– Пригласи ко мне Гурни Халлека. Мы с ним встретим делегацию в главном зале замка Каладан.

Джессика сменила платье для работы в саду на официальный наряд цвета морской воды. Высоко подняла пепельно-бронзовые волосы и надела подвеску с гербом Атрейдесов – золотым ястребом. Она не торопилась. И чем больше думала, тем настойчивее старалась угадать, какие новости мог принести этот корабль. Возможно, дело действительно не заурядное...

Гурни ждал ее в главном зале. Его оторвали от натаскивания своих гончих, и его лицо покраснело от усилий.

– По сообщению из космопорта посланец – высокопоставленный член Кизарата, его сопровождает большая свита и почетный караул из Арракиса. Он утверждает, что доставил сообщение чрезвычайной важности.

Джессика сделала вид, что не заинтересовалась.

– По моим подсчетам, это девятое «важнейшее сообщение», доставленное с тех пор, как два года назад закончился джихад.

– Все равно, миледи, есть некоторое отличие.

Гурни сильно постарел, хотя и раньше не был красавцем – страшный винного цвета шрам через челюсть, затравленный взгляд. В молодости он был землей под сапогами Харконнена, но долгие годы верной службы сделали его одной из важнейших опор дома Атрейдесов.

Джессика опустила в кресло, в котором некогда сживал ее любимый герцог Лето. Слуги спешно готовились к приему посланца и его свиты, а шеф-повар запросил у Джессики распоряжений относительно угощения. Она холодно ответила:

– Только воду. Дайте им воды.

– Больше ничего, миледи? Разве это не оскорбление для столь важной персоны?

Гурни усмехнулся.

– Они с Дюны. Почтут это за честь.

Распахнутые дубовые двери замкового зала впускали влажный ветер; в них с грохотом вошел почетный караул. Пятнадцать человек, воины джихада Пауля, несли зеленые знамена, имеющие черную либо белую кайму. Члены свиты были облачены в якобы защитные костюмы, точно в мундиры, хотя во влажном воздухе Каладана в них не было ни малейшей нужды. Их костюмы покрывали мелкие брызги: снаружи пошел дождь, и гости сочли это знаменем Господа.

Передний ряд свиты расступился, и вперед вышел кизара, священник джихада в желтой одежде. Священник откинул влажный капюшон, явив лысый череп; в его глазах, совершенно синих от постоянного приема меланжевой пряности, светилось благоговение.

– Меня зовут Исбар. Представляюсь матери Муад'Диб.

Он поклонился и продолжал кланяться все ниже, пока не простерся на полу.

– Достаточно. Все знают, кто я такая.

Исбар встал, но не поднимал головы и отводил взгляд.

– Видя изобилие воды на Каладане, мы яснее понимаем, какую жертву принес Муад'Диб, придя на Дюну, чтобы спасти фрименов.

Джессика ответила резко, давая понять, что не желает тратить время на церемонии.

– Вы прилетели издалека. Что срочного на этот раз?

Исбар как будто сражался с посланием, как с живым существом, и Джессика почувствовала глубину его страха. Солдаты почетного караула стояли неподвижно, точно статуи.

– Говори! – приказал Гурни.

Священник выпалил:

– Муад'Диб мертв, миледи. Твой сын ушел к Шай-Хулуду.

Джессике показалось, будто ее ударили дубиной.

Гурни простонал:

– О нет! Не Пауль!

Исбар продолжал, стремясь освободиться от слов сообщения:

– Отказавшись от правления, святой Муад'Диб ушел в пустыню и исчез в песке.

Джессике потребовалась вся тренировка Бене Гессерит, чтобы воздвигнуть вокруг себя глухую стену, дать себе время подумать. Подавление эмоций произошло автоматически, словно было врожденным умением. Джессика запретила себе плакать и продолжила говорить спокойно, ровным голосом.

– Расскажи мне все, священник.

Слова кизары жгли, как песчинки, принесенные сильным ветром.

– Ты знаешь о недавнем заговоре предателей из числа его собственных федайкинов. И хотя прожигатель камня лишил его зрения, благословенный Муад'Диб видел мир божественным оком, а не искусственными глазами тлейлаксов, которые покупал для изувеченных солдат.

Да, все это Джессика знала. Из-за опасных решений, которые принимал ее сын, из-за джихада он всегда подвергался реальной опасности погибнуть от руки убийцы.

– Но Пауль выжил, несмотря на заговор, из-за которого ослеп. Были еще покушения?

– Продолжение того же заговора, великая леди. Обвинения предъявлены штурману Гильдии и преподобной матери Гайус Элен Мохиама. – И добавил, словно вдогонку: – По приказу имперского регента Алии оба казнены, а с ними еще Корба, панегирист и организатор заговора против твоего сына.

Слишком много нового навалилось на Джессику. Мохиама казнена? Отношения Джессики с преподобной матерью были бурными, любовь и ненависть чередовались, как прилив и отлив.

Алия... теперь регент? Не Ирулан? Конечно, это правильно. Но если Алия правитель...

– Что с Чани, возлюбленной моего сына? И с принцессой Ирулан, его женой?

– Ирулан в заключении в Арракине, устанавливается степень ее участия в заговоре. Регент Алия не позволила казнить ее с остальными, но известно, что Ирулан была связана с заговорщиками. – Священник с трудом сглотнул. – Что касается Чани... она не перенесла рождения близнецов.

– Близнецов? – Джессика вскочила. Дети Пауля. – У меня есть внуки?

– Мальчик и девочка. Они здоровы и...

Оболочка спокойствия была опасно близка к разрушению.

– Ты не подумал сразу сообщить мне об этом? – Она пыталась собраться с мыслями. – Расскажи все, что мне нужно знать, не откладывая.

Кизара принялся рассказывать.

– Ты знаешь про гхолу – подарок Муад'Дибу от Тлейлаксу и Гильдии? Он оказался орудием убийства, созданным из мертвого тела верного слуги Атрейдесов.

Джессика слышала о гхولة, выращенном из клеток Дункана Айдахо, но всегда считала его чем-то вроде необычного актера или мима-жонглера.

– У Хейта внешность и манеры Дункана Айдахо, но не его память, – продолжал священник. – Он был запрограммирован убить Муад'Диб, но его истинная личность вышла на поверхность и подавила альтер-эго, и в результате этого он снова стал подлинным Дунканом Айдахо. Сейчас он помогает регенту империи Алии.

Вначале эта мысль поразила ее – Дункан снова жив и в сознании? – но потом Джессика вернулась к прежним вопросам.

– Довольно отвлекаться, Исбар. Мне нужны подробности о том, что произошло с моим сыном.

Священник продолжал держать голову склоненной, что приглушало его голос.

– Говорят, благодаря своему предвидению Муад'Диб знал, что ему предстоит, но никак не мог отвлечься от того, что называл «ужасным итогом». И это знание уничтожило его. Поговаривают, будто под конец он ослеп во всех смыслах, не мог видеть будущее и не снес горя. – Кизара помолчал, потом заговорил с большей уверенностью. – Но я верю, что Муад'Диб знал: время пришло, его зовет Шай-Хулуд. Его душа в песках, в вечном единении с пустыней.

Гурни боролся с горем и гневом, сжимал и разжимал кулаки.

– И вы – все – позволили ему, слепому, уйти в дюны?

– Так поступают фримены, Гурни, – сказала Джессика.

Исбар распрямился.

– Никто не может «позволить» Муад'Дибу, Гурни Халлек. Он знает волю Бога. Нам не понять причины его поступков.

Гурни не позволил так легко уйти от этой темы.

– Проводились ли поиски? Вы пытались найти его? Нашли ли тело?

– Множество орнитоптеров летало над пустыней, и много следопытов вышли в пески.

Увы, Муад'Диб исчез.

Исбар почтительно поклонился.

Гурни повернулся к Джессике, глаза его сверкали.

– Пауль хорошо знал пустыню, миледи, он мог выжить. Мог найти путь.

– Нет, если не хотел. – Джессика покачала головой и пристально посмотрела на священника. – А Стилгар? Каково его участие в этом?

– Верность Стилгара вне подозрений. Колдун Бене Гессерит Корба и представитель Гильдии умерли от его руки. Он на Дюне, как связник с фрименами.

Джессика попыталась представить смятение, охватившее империю.

– Когда же все это произошло? Когда Пауля видели в последний раз?

– Двадцать семь дней назад, – ответил Исбар.

Гурни изумленно взревел:

– Почти месяц! Во имя бездонного ада, почему вы добирались сюда так долго?

Священник попятился от разгневанного Гурни и наткнулся на людей из своей свиты.

– Нужно было провести подобающую подготовку и собрать соответствующую по важности группу. А также получить большой гильдейский корабль, чтобы доставить ужасную весть.

На Джессику сыпался удар за ударом. Двадцать семь дней – а она ничего не знала, ни о чем не догадывалась. Как могла она не почувствовать, что потеряла сына?

– Есть еще одно, миледи, и мы все встревожены этим, – добавил Исбар. – Бронсо Иксианский продолжает распространять ложь и ересь. Когда-то при жизни Муад'Диб он был пленен, но бежал из камеры смертника. И теперь известие о смерти твоего сына приободрило его. Его святотатственные писания оскверняют память Муад'Диб. Он распространяет послания и памфлеты, старается лишить Муад'Диб его величия. Нужно остановить его, миледи. Как мать святого императора, ты...

Джессика оборвала его.

– Мой сын мертв, Исбар. Бронсо распространяет свою клевету уже семь лет, и вы не смогли его остановить – поэтому его высказывания вряд ли новость. У меня нет времени на пустые разговоры. – Она неожиданно встала. – Аудиенция окончена.

Да, меня преследуют воспоминания, но не все они печальны. Я вспоминаю много веселых моментов с Паулем Атрейдесом – обратите внимание, с Паулем, а не с Муад'Дибом. И, думая сейчас об этих временах, я похожу на человека, побывавшего на многих прекрасных пиршествах.

Гурни Халлек. Воспоминания призрака (неоконченная песня)

Чуя добычу, собаки бежали вперед, и Гурни с ними. Холодный утренний воздух жег легкие; Гурни пробивался сквозь кустарник, подсознательно пытаюсь сбежать от опустошающих новостей.

Мускулистые псы с золотисто-зелеными глазами, умные, широкогрудые; зрение у них острое, орлиное, и еще более острый нюх. Защищенные густой рыжевато-серой шерстью, собаки с плеском преодолевали болотистые лужи, продирались сквозь траву пампасов и выли, как хор, выступающий перед глухонемыми. В их поведении чувствовалась радость охоты.

Гурни любил своих псов. Много лет назад у него были другие шесть собак, но их пришлось прикончить, когда они подцепили вирус огненной крови. Сама Джессика подарила ему этих щенков, и Гурни не хотел снова установить рискованную эмоциональную связь, не хотел привязываться к собакам, вспоминая, какую боль принесло ему то расставание.

Эта прежняя печаль ничто в сравнении с тем, что он испытывает сейчас. Пауль Атрейдес, его молодой хозяин, мертв...

Гурни, спотыкаясь, продолжал бежать за собаками. Он остановился перевести дух, закрыл на мгновение глаза и снова побежал за лающими псами. Охота не слишком его интересовала, но ему нужно было уйти из замка, от Джессики и особенно от Исбара и его кизаратского окружения. Он не хотел рисковать тем, что сорвется и утратит контроль над собой.

Большую часть жизни Гурни Халлек служил дому Атрейдесов. Еще до рождения Пауля он помогал сбросить власть Глейлаксу и вернуть дому Верниусов власть над Иксом; во время Войны Убийц он сражался на стороне герцога Лето против виконта Моритани; он пытался защитить Атрейдесов от предательства Харконнена на Арракисе и все годы недавнего джихада служил Паулю, пока не ушел в отставку и не вернулся сюда, на Каладан. Ему следовало знать, что трудности не кончились.

И вот Пауля не стало. Молодой хозяин ушел в пустыню... одинокий и слепой. Гурни не было с ним рядом. И он пожалел, что не остался на Дюне вопреки своему отвращению к бесконечным бойням. Как он был эгоистичен, отказавшись от джихада и от своей ответственности! Пауль Атрейдес, сын герцога Лето, в своей эпической борьбе нуждался в нем, а Гурни в минуту нужды повернулся к нему спиной.

«Как забыть это, преодолеть стыд?»

Пробираясь сквозь заросли мокрой болотной травы, он вдруг увидел лающих собак: взъерошенный серый болотный заяц втиснулся в трещину под известняковым уступом. Семь собак сидели на земле, ожидая Гурни; все их внимание было сосредоточено на том месте, где сидел испуганный, но не способный убежать заяц.

Гурни достал пистолет и одним выстрелом в голову быстро и безболезненно убил зайца. Потом вытащил теплую дергающуюся тушку. Послушные псы наблюдали за ним, в топазовых глазах блесло предвкушение. Гурни бросил зайца на землю; по его знаку собаки набросились на свежую добычу, разрывая мясо так, словно много дней не ели. Быстрое, хищное насилие.

В памяти Гурни возникли кровавые поля джихада, и он заставил себя отогнать эти картины, перенести их в прошлое, где им место.

Но другие воспоминания он не мог подавить, не мог забыть о том, что напоминало ему о Пауле, и чувствовал, как его душа война распадается, рушится. Пауль, который был такой огромной, невосполнимой частью его жизни, растаял на просторах пустыни, как всадник-фримен, спасающийся от Харконнена. Но на этот раз Пауль не вернется.

Гурни смотрел, как собаки рвут зайца на части, и ему казалось, что его самого разрывают, оставляя страшные зияющие раны.

Этой ночью, когда в замке стало темно и тихо, а слуги ушли, оставив Джессику горевать в одиночестве, она не могла уснуть, не могла обрести душевное спокойствие в пустой спальне, где царил холодная тишина.

Она утратила душевное равновесие. Благодаря полученной у Бене Гессерит подготовке она закрыла клапаны своих чувств, и те заржавели от неупотребления, особенно после смерти Лето, когда она повернулась спиной к Арракису и вернулась сюда.

Но Пауль ее сын!

Джессика неслышно шла по коридорам замка к личным покоям Гурни. Остановилась. Хотелось с кем-нибудь поговорить. Они с Гурни могут сопоставить общие потери и решить, что делать дальше, как помочь Алие удержать распадающуюся империю, пока не станут взрослыми дети Пауля. Какое будущее они могут обеспечить для младенцев-близнецов? Ветры Дюны – и политические, и настоящие бури – могут сорвать плоть человека до костей.

Собираясь постучать в тяжелую дверь, Джессика остановилась, услышав странные звуки – бессловесные звериные стоны. И вдруг поняла, что это плачет Гурни. Один, в одиночестве, стойкий воин-трубадур предавался горю.

Джессика еще пуще встревожилась, поняв, что ее горе не столь глубоко и неупорно. Оно где-то далеко, за пределами ее досягаемости. Комок внутри нее тяжелый и твердый. Она не знала, как добраться до придавленных им эмоций. Сама эта мысль расстроила ее. «Почему я не могу переживать, как он?»

Слушая одинокий плач Гурни, Джессика испытывала желание войти и утешить его, но она знала, что он будет стыдиться этого. Воин-трубадур безусловно не хотел, чтобы она видела открытые проявления его чувств. Он сочтет это своей слабостью. И поэтому она ушла, предоставив ему горевать.

Неуверенными шагами идя назад, Джессика искала в себе, но наткнулась только на жесткие преграды вокруг своей печали, мешавшие настоящему проявлению чувств. «Пауль был мой сын».

Вернувшись посреди ночи в свою пустую спальню, Джессика молча посылала проклятия Бене Гессерит. Будь они прокляты. Они отняли у нее способность матери испытывать боль от потери ребенка.

Начало правления или регентства – трудное время. Меняются конфигурации союзов, и люди кружат вокруг нового правителя, как стервятники, высматривая его слабости, выжидая. Доносчики и клеветники говорят вождям то, что те хотят, а не то, что должны услышать. Это начало эпохи ясности и трудных решений, потому что эти решения будут задавать тон всему будущему правлению.

Святая Алиа Ножа

Посол Шаддама IV прибыл менее чем через месяц после исчезновения в пустыне Пауля. Алию поразила быстрота, с которой действовал изгнанный император Коррино.

Но поскольку посольство было отправлено столь поспешно, посол плохо разобрался в обстановке. Он знал, что родились близнецы, что Чани умерла родами, что Пауль признал свою слепоту и исчез в бескрайней песчаной пустыне. Но не знал о множестве смелых решений, принятых с тех пор Алией. Не знал, что были казнены штурман Эдрик и преподобная мать Мохиам, а с ними и панегирист Корба. Посол не знал, что дочь Шаддама Ирулан держат в камере смертников и судьба ее не определена.

Алия решила принять посла во внутреннем помещении со стенами из толстого плазмельда. Яркие световые шары заливали зал кричащим желтым светом, очень похожим на освещение в допросных. Алия попросила Дункана и Стилгара сесть по бокам от нее; полированная поверхность длинного обсидианового стола походила на провал в глубины далекого океана.

Стилгар проворчал:

– Мы еще не объявили официальный план похорон Муад'Диб, а этот лакей уже явился, как стервятник на свежее мясо. С Кайтэйна еще не прибыли официальные представители ландсраада.

– Прошел месяц. – Алия поправила криснож, всегда висящий у нее на шее. – А ландсраад никогда не торопится.

– Не знаю, зачем Муад'Диб их сохранил. Нам не нужны их встречи и меморандумы.

– Они остаток старого правительства, Стилгар. Надо соблюдать формальности. – Она еще сама не решила, какую роль в ее регентстве будет играть ландсраад и будет ли играть хоть какую-нибудь. Пауль не пытался его устранить, но вообще почти не обращал на него внимания. – Главный вопрос таков. Принимая во внимание время в пути и то, что мы не отправляли на Салусу Секундус никаких сообщений, как послу удалось добраться так быстро? Должно быть, в первые же дни туда бросился один из их шпионов. Как мог Шаддам привести в действие план... если у него есть план?

Наморщив в раздумьях лоб, Дункан Айдахо сидел в кресле прямо, словно забыл, как расслабляться. Темные вьющиеся волосы и широкое лицо его очень хорошо знакомы Алии, которая помнит его двойным ви дением – как прежнего Дункана по воспоминаниям, полученным от матери, и по собственным впечатлениям от гхолы по имени Хейт. Его металлические искусственные глаза и резкий, выделяющийся на лице нос всегда напоминают Алии о двойном происхождении Дункана.

Тлейлаксы сделали своего гхолу ментатом, и сейчас Дункан обратился к этим своим способностям, чтобы подвести итог.

– Вывод очевиден. Кто-то при дворе изгнанного Коррино – возможно, граф Хазимир Фенринг – уже готов был действовать на случай, если первоначальный план убийства успешно осуществится. Хотя заговор провалился, Пауль Атрейдес исчез. И Коррино действуют быстро, чтобы заполнить вакуум власти.

– Шаддам пытается вернуть себе трон. Следовало убить его, пока он был у нас в плену после битвы при Арракине, – сказал Стилгар. – Мы должны быть готовы к его действиям.

Алия фыркнула.

– Может, я заставлю посла отвезти голову Ирулан ее отцу. Такое послание он не сможет истолковать неверно.

Однако она знала, что Пауль никогда не позволил бы казнить Ирулан, несмотря на ее явное, хотя и довольно слабое участие в заговоре.

– Такой шаг будет иметь серьезные и очень важные последствия, – предупредил Дункан.

– Ты не согласен?

Дункан поднял брови, еще яснее продемонстрировав свои необычные глаза.

– Я этого не сказал.

– Я с удовольствием бы свернул эту красивую императорскую шею, – признался Стилгар. – Ирулан никогда не была нашим другом, хотя утверждает, что искренне любила Муад'Диб. Но она может говорить это, чтобы спасти воду своего тела.

Алия покачала головой.

– Она говорит правду – от нее несет этой любовью. Она любила моего брата. Вопрос в том, сохранить ли Ирулан как оружие, ценность которого мы еще не определили, или сделать символический жест и устранить ее; но взять назад этот жест мы уже не сможем.

– Может, стоит подождать и послушать, что скажет посол? – предложил Дункан.

Алия кивнула, и внушительные амазонки из ее охраны провели величавого важничавшего посла по имени Ривато извилистыми коридорами крепости в ярко освещенную комнату для приемов. И хотя маршрут был прямой, но очень долгий, посол растерялся и раскраснелся. Закрыв за послом дверь, где его ждали Алия и ее два спутника, женщины-стражницы встали возле комнаты.

С усилием собравшись, салусский посол низко поклонился.

– Император Шаддам желает выразить сочувствие по поводу смерти Пауля Муад'Дибатрейдеса. Да, они были соперниками. Но Пауль также был его зятем, женатым на старшей дочери императора. – Ривато осмотрелся. – Я надеялся, что принцесса Ирулан примет участие в этой беседе.

– Она занята. – Алия на мгновение представила себе посла в той же камере. – Зачем ты здесь?

Они не поставили стул по другую сторону обсидианового стола – намеренный недосмотр, который заставил Ривато оставаться на ногах; это выбивало его из равновесия, лишало уверенности. Он снова поклонился, чтобы скрыть мелькнувшее на лице беспокойство.

– Император послал меня сразу по получении известия, потому что в империи кризис.

– Шаддам не император, – заметил Дункан. – Перестань его так называть.

– Прошу прощения. Я служил при дворе на Салусе Секундус и потому все время забываю. – Собравшись с силами, Ривато заговорил. – Несмотря на печальное событие, у нас есть возможность восстановить порядок. Со времени... падения Шаддама *TV* империя постоянно сталкивается с волнениями и кровопролитиями. Джихадом руководил человек с сильнейшей харизмой – никто не может это отрицать, но теперь, со смертью Муад'Дибатрейдеса, мы возвращаемся к необходимости стабильности для империи.

Алия прервала его.

– Империя достигнет стабильности под моим регентством. Джихад Пауля кончился почти два года назад, и наши армии по-прежнему сильны. Мы все реже ведем сражения на восстановленных планетах.

Посол попытался уверенно улыбнуться.

– Но все еще существуют места, требующие, скажем, значительных дипломатических усилий для урегулирования. Восстановление Коррино успокоит воду, обеспечив последовательность.

Алия холодно смотрела на него.

– У Муад'Дибатрейдеса двое детей от его наложницы Чани, они его наследники. Линия преемственности не вызывает сомнений – Коррино нам не нужен.

Ривато успокаивая развел руками:

– Взяв в жены принцессу Ирулан, Пауль Муад'Дибатрейдес признал необходимость сохранения связей с императорским домом. Долгая традиция правления рода Коррино восходит к концу Батлерианского джихада. Если мы укрепим эти связи, выиграет все человечество.

Стилгар резко возразил на это замечание.

– Ты хочешь сказать, что человечество не выиграло от правления Муад'Дибатрейдеса?

– Ну, это решать историкам, а я не историк.

Дункан сложил руки на столе.

– Тогда кто же ты?

– Я предлагаю решения проблем. После консультаций с падишахом – я имею в виду Шаддама – мы хотим предложить способ перехода правления.

– Что же вы предлагаете? – спросила Алия.

– Объединение кровных линий – какое угодно – устраним смятение и залечит раны. Есть много возможностей достигнуть этого. Например, вы, леди Алия, можете выйти за Шаддама –

конечно, лишь номинально. Ведь мы договорились, что Пауль Муад'Диб брал в жены принцессу Ирулан только формально. Это явный прецедент.

Алия ошетинулась.

– Жены Шаддама не живут долго.

– Это в прошлом, и он уже много лет не женат.

– Тем не менее, предложение для регента неприемлемо.

Алии почудилась в голосе Дункана ревность.

– Скажи, какие еще браки ты предлагаешь, – сказал Стилгар, – чтобы мы могли посмеяться и над ними.

Ривато невозмутимо справился по своим запискам.

– У Шаддама есть три дочери: Венсия, Чалиса и Джосифа, а у Муад'Диб юный сын. Возможно, мальчик Атрейдес обручится с дочерью Коррино? Разница в возрасте не имеет значения, учитывая гериаатрическое действие меланжи. – Слушатели нахмурились, и Ривато торопливо продолжил: – Точно так же внук императора Фарад'н от его дочери Венсии может обручиться с дочерью Муад'Диб. Они даже близки по возрасту.

Алия встала – шестнадцатилетняя девушка среди мрачных мужчин, но было ясно, кому принадлежит власть.

– Ривато, нам нужно время, чтобы обдумать твои слова. – Если обсуждение не прервать, она может приказать казнить его, а потом пожалеет об этом. – У меня много важных дел, включая официальные похороны брата.

– И похороны по обычаю фрименов для Чани, – негромко добавил Стилгар.

Алия холодно улыбнулась Ривато.

– Возвращайся на Салусу и жди нашего ответа. Ступай.

С торопливым поклоном ничего не добившийся посол отступил, и стражницы-амазонки увели его. Едва дверь за ним закрылась, Дункан сказал:

– Его предложения имеют смысл.

– Да? Хочешь, чтобы я вышла за старого Шаддама? – Гхола сохранял невозмутимость, и Алия задумалась о том, есть ли у него какие-нибудь чувства. Или он просто хорошо их прячет? – Не желаю больше слышать об этих династических нелепостях. – Резким жестом она оборвала дальнейшее обсуждение. – Дункан, я хочу, чтобы ты кое-что сделал для меня.

* * *

На следующий день Алия через тайный глазок заглянула в камеру смертников. Принцесса Ирулан сидела на жесткой скамье, ни на что определенное не глядя и не проявляя ни следа нетерпения. Ее поза выражала печаль, но не страх. *Она не боится за свою жизнь.* Трудно было признать, что она оплакивает смерть Пауля, но Алия знала, что это так.

Игра ей надоела, Алия отошла от глазка и приказала стражнику-кизаре в желтом одеянии открыть дверь. Когда девушка-регент вошла, Ирулан встала.

– Ты пришла сообщить мне дату казни? Ты убьешь меня наконец?

Она словно искренне интересовалась ответом, но не боялась его.

– Я еще не определила твою судьбу.

– А жрецы уже определили, и их толпы требуют моей крови.

– Но я регент империи, и я решаю. – Алия загадочно улыбнулась. – Я еще не готова открыть тебе твою судьбу.

Ирулан со вздохом снова села.

– Тогда что тебе от меня нужно? Зачем ты пришла?

Алия ласково улыбнулась.

– У меня побывал посол с Салусы Секундус. Через него твой отец предлагает нелепые браки с представителями дома Коррино, которые будто бы способны решить большинство проблем империи.

– Я сама думала об этом, но ты больше не прислушиваешься к моим советам, хотя уважала меня, когда была моложе, – спокойно сказала Ирулан. – Какой ответ ты ему дала?

– Посол улетел на челноке вчера вечером к ждущему на орбите лайнеру Гильдии. К несчастью, по неизвестным причинам на челноке отказал двигатель, и он упал с большой высоты. Боюсь, никто не выжил. – Алия покачала головой. – Кое-кто подозревает саботаж, и мы проведем полное расследование... как только появится время.

Ирулан в ужасе посмотрела на нее.

– Дункан Айдахо вывел из строя двигатель? Или Стилгар?

Алия постаралась сохранить невозмутимое выражение, но смягчилась, вспомнив, что они с принцессой были очень близки. Ситуация не белая и не черная. Ирулан окружена серым.

– Теперь, после смерти брата, заговорщики и узурпаторы подкрадываются ко мне со всех сторон. Мне нужно проявить силу и характер, не то все, ради чего старался Муад'Диб, погибнет.

Ирулан сказала:

– Но что еще ты потеряешь в пути?

– Возможно, тебя, принцесса. Стоит мне только пальцем пошевелить.

– Да? А кто тогда вырастит детей Пауля? Кто будет их любить?

– Хара вполне справится.

Алия вышла из камеры, и стражник-кизара снова закрыл дверь. Принцесса осталась наедине со своими вопросами без ответов.

Никто из современников не может судить о действиях моего сына. Наследие Муад'Диб будут оценивать по шкале, намного превосходящей продолжительность одной жизни. Будущее принимает собственные решения о прошлом.

Леди Джессика, герцогиня Каладана

Зная, что Алия столкнулась с многочисленными последствиями смерти Пауля, Джессика решила отправиться на Дюну – быть с дочерью, помочь ей чем сможет. Она отправила формальное сообщение кизаре Исбару, предупредив, что она и Гурни Халлек хотят как можно быстрее улететь с Каладана. Делегация жрецов готова была исполнять ее желания.

Усиленный военный корабль Гильдии оставался на орбите, и Гурни организовал полет в роскошном старом фрегате Атрейдесов из частного ангара в космопорте. Этот нарядный корабль был построен еще при старом герцоге Пауле, и Джессика помнила, что Лето пользовался им во время их первого посещения Арракиса. «Все, что мы делаем, становится частью истории», – подумала она.

Когда Гурни отдавал распоряжения пилоту, появился раболепный священник. Он низко поклонился.

– Экипаж лайнера Гильдии ждет тебя с радостью, миледи. Именем Муад'Диб мы уже отклонились от своего курса, чтобы побыстрее доставить тебе горестную весть. Потребности опаздывающих пассажиров менее важны, чем твои.

– Пассажиров? Я думала, это специальный военный корабль, посланный Кизаратом.

– Теперь, когда объявлено об окончании джихада, многие военные корабли вновь стали пассажирскими. Когда регент Алия приказала сообщить тебе о смерти Муад'Диб, мы воспользовались первым же кораблем. Какое другое дело может быть таким же важным? Все эти люди могут подождать.

Гурни опустил тяжелую сумку на палубу фрегата, что-то бормоча себе под нос. Джессика не удивилась столь оскорбительная демонстрация власти, но встревожило то, что Исбар просто взял корабль с трюмом, полным груза, и с пассажирами, уже занявшими свои места.

– Что ж, тогда давайте поторопимся.

Исбар подошел ближе, и Джессика увидела в его взгляде страх и благоговение.

– Могу я полететь на твоём фрегате, миледи? Как мать Муад'Диб, ты можешь многому научить меня. Я буду твоим послушным учеником.

Но ей не нужны льстецы. И не нужен ученик-священник, послушный или не очень.

– Пожалуйста, возвращайся со своей делегацией. Мне нужно помолиться в одиночестве.

Разочарованный Исбар повернулся и ушел из ангара. Пока Джессика и Гурни поднимались на борт фрегата, он продолжал кланяться. Разукрашенная крышка люка закрылась за ними. Гурни сказал:

– Пауль презирал бы этого человека.

– Исбар ничем не отличается от других священников, которые образовали структуру власти вокруг Муад'Диб и его наследия. Мой сын попал в плен к собственному мифу. Годы шли, и ему – да и мне – становилось ясно, что многое ускользает от его контроля.

– Мы исключили себя из этого уравнения, – сказал Гурни, потом процитировал: «Те, кто ничего не делает, а только наблюдает из тени, не могут жаловаться на яркость солнца». Возможно, мы можем исправить положение, если Алия согласится.

Пока летели к лайнеру Гильдии, Джессика старалась расслабиться; Гурии взял свой балисет и негромко заиграл. Джессика боялась, что он уже сочинил гимн в память Пауля, она не была готова его услышать. К ее облегчению, Гурни повел одну из ее любимых мелодий.

Она смотрела на его морщинистое лицо, на светлые, начинающие седеть волосы, на бросающийся в глаза шрам, багровый, как вино.

– Гурни, ты всегда знаешь, что нужно сыграть.

– У меня большой опыт, миледи.

Джессика и Гурни покинули удобный фрегат и отправились в помещения для пассажиров на борту лайнера. В обычной одежде они не привлекли внимания на прогулочной палубе. Исбар уже изложил свою версию смерти Муад'Диб; Джессике хотелось услышать, что говорят люди.

Есть такие пассажиры, которые никогда не покидают свои частные апартаменты в огромном чреве корабля; но другие, те, кому предстоят долгие перелеты со многими остановками, выходят на общие палубы, посещают рестораны, бары и магазины.

Джессика и Гурни шли по обширной открытой палубе, присматриваясь к товарам со многих планет. Некоторые продавцы уже предлагали сувениры, посвященные смерти Муад'Диб, и это было неприятно Джессике. Гурни увел ее. Они зашли в ярко освещенный бар – сплошной плаз, хрусталь и хром, – заполненный шумными посетителями. Вдоль стены выстроились многоцветные напитки с разных планет.

– Слушать лучше всего здесь, – сказал Гурни. – Сядем, и пусть разговоры придут к нам.

Со стаканом черного вина для нее и пенным горьким пивом для него они сели друг напротив друга; близость успокаивала. И принялись слушать.

Представители бродячего народа вайку служили на всех кораблях Гильдии; эти молчаливые, очень похожие друг на друга люди известны своей безликостью. Почти незаметные вайку в темных костюмах ходили среди клиентов, убирали посуду, приносили выпивку.

Главной темой пересудов была смерть Муад'Диб. За всеми столиками спорили, был ли сын Джессики спасителем или чудовищем, лучше ли коррумпированное и упадочническое правление Коррино, чем чистая, но яростная власть Муад'Диб.

«Они не понимают, что он делал, – думала Джессика. – И никогда не поймут, почему он принимал именно такие решения».

За одним столиком жаркий спор перешел в крики и угрозы. Стулья отлетели, двое мужчин с багровыми лицами обменивались оскорблениями. Один метнул нож, второй активировал личную защиту – и драка продолжалась, пока человек с защитой не умер от медленного удара. Остальные посетители наблюдали за дракой, не думая вмешаться. Появилась служба безопасности Гильдии; тело убрали, ошеломленного убийцу арестовали: казалось, он сам не верит, до чего его довел внезапный гнев.

Пока все остальные следили за схваткой, Джессика наблюдала за молчаливыми официантами-вайку, неслышно скользившими между столиками. Она увидела, как один из них потихоньку положил на столики листки с напечатанным текстом и тут же отошел. Это было сделано так незаметно, что если бы Джессика не приглядывалась особенно внимательно, она ничего бы не заметила.

– Гурни.

Она показала, и Гурни потянулся за одним из листков. Он тоже видел, как его положили. Текст был озаглавлен «Правда о Муад'Диб».

Лицо его потемнело.

– Еще одна грубо сляпанная пропагандистская листовка, миледи.

Джессика просмотрела листовку. Некоторые утверждения были смехотворно нелепы, но другие напоминали о крайностях, допущенных Паулем во время джихада, и о продажности правительства Муад'Диб. В них чувствовалась правда. Бронсо Иксианский уже много лет представляет собой неприятную проблему, и человек, который так хорошо справляется со своим делом, стал настоящей легендой.

Джессика знала, что ни самые отъявленные критики Пауля, ни самые пылкие его сторонники не понимают ее сына. Здесь, в баре, убили человека, который был верен своим убеждениям и считал, что понимает мотивы и намерения Пауля. Призвание Муад'Диб необыкновенно сложно, цель его слишком запутанна, слишком неочевидна и требует слишком большого времени для своего достижения, чтобы даже она полностью ее понимала. Сейчас она признает это.

Гурни скомкал листовку и с отвращением выбросил, а Джессика покачала головой. Ей хотелось бы, чтобы все было по-другому. Тем не менее, Бронсо, как и все они, служит цели Пауля.

Субакх ул кухар, Муад'Диб! Здоров ли ты?

Ты где-то там?

Песня фрименов ветру и песку

Ему нужна пустыня, обширный безводный океан, покрывающий почти всю планету. Слишком долго Стилгар оставался в городе с жрецами и членами ландсраада за спорами о погребении Муад'Диб и утомился. А эти шумные паломники с других планет! Они повсюду, болтают, толкаются, не дают ни пространства, ни времени, чтобы подумать.

Наконец после трагической гибели посла Шаддама IV Стилгар решил отправиться в сиетч Табр, чтобы погрузиться в чистоту жизни фрименов. Он надеялся очистить мысли и снова почувствовать себя человеком – набом, а не украшением двора Алии. Он поехал один, оставив жену Хару в крепости присматривать за близнецами Атрейдесами.

Однако в сиетче Табр он увидел много перемен, которые его разочаровали. Словно песчинки сползали по наклонной поверхности: каждая песчинка почти незаметна, но все вместе они создают заметные перемены. После многих лет джихада инопланетные влияния проникли в жизнь фрименов. Она стала легче и не была уже заполнена трудной борьбой, как раньше. А с комфортом приходит и слабость. Стилгар видел признаки. Он видел перемены, и сиетч

теперь не мог дать ему чистоты, которую он искал. Кончилось тем, что он провел здесь только одну ночь.

Ранним утром он поехал в пески на могучем черве. Гигант нес его назад к Защитной Стене и Арракису. Стилгар думал, прилетит ли мать Муад'Диб на похороны сына. Джессика настоящая саяддина, и Стилгар чувствовал, что Дюна лишилась части своей души, когда Джессика решила вернуться на свою водную планету. Как хорошо было бы снова ее увидеть, хотя Стилгар не сомневался, что и она изменилась.

Ради предосторожности он соберет в Арракине своих лучших федайкинов, чтобы они вместе с солдатами Алии приветствовали мать Мессии и охраняли ее – если она решит вернуться. Джессика не нуждается в пышности и помпезности, но ей может потребоваться защита.

Одинокая поездка по пустыне оживила и очистила Стилгара. Сидя высоко на серо-коричневом сегменте червя, он слушал шорох песка, с которым продвигалось вперед гигантское извивающееся тело. Горячий ветер пустыни ласкал лицо Стилгара, этот ветер легко стирал следы червя за ними, этот ветер был способен снова сделать пустыню чистой. Поездка помогла Стилгару снова ощутить свою цельность: он прочно установил свой ударник, с помощью крюков забрался на червя и подчинил чудовище своей воле.

С тех пор как Муад'Диб ушел навстречу своей судьбе, суеверные фримены стали говорить, что он присоединился к Шай-Хулуду – буквально и духовно. В поселках ставили на полки и окна пустые чашки, что символизировало тот факт, что вода Муад'Диб не найдена, что он смешался с песком и с Шай-Хулудом...

Прошло всего несколько часов после ухода Муад'Диб в пустыню, а опечаленная Алиа попросила Стилгара выполнить приказ, который, как он знал, прямо противоречил желаниям Пауля. Она использовала стремление наиба к мести, обратилась к самым глубоким его верованиям, и он убедил себя, что противоположные намерения Пауля были лишь испытанием, проверкой. После такой боли, после стольких смертей Стилгар *хотел* видеть кровь на своих руках. Наиб, он много убивал; как боец джихада Муад'Диб, он отнял без счета жизни.

Когда начали проясняться подробности сложного заговора, грянула ночь убийств. Первым участником заговора был Корба, смелый федайкин, который позволил себе занять слишком важное место среди священников, и его вина стала ясна наibaм фрименов. Казнь его, осуществленная руками Стилгара, была легкой, необходимой и кровавой.

Но Стилгар никогда еще не убивал штурмана Гильдии или преподобную мать Бене Гессерит. Однако Алиа отдала приказ, и он выполнил его без колебаний.

Захваченный штурман Эдрик имел в Гильдии большое влияние и политический вес и к тому же был аккредитованным послом, но его безопасность зависела от цивилизованных ограничений, которые ничего не значили для Стилгара. Несложно было разбить бак. Когда воздух, пропитанный пряностью, вытек и штурман задержался, как выброшенная на берег морская тварь, Стилгар сграбастал резиновую плоть мутанта и сломал ему хрящевую шею. Это не доставило ему удовольствия.

Совсем другое дело ведьма Бене Гессерит Мохиама. Хотя Стилгар был знаменитым бойцом-фрименом, старуха обладала силами, которых он не понимал; не будь у него преимущества внезапности, нападение далось бы очень трудно. Ему удалось убить ее только по одной причине: Мохиама не могла поверить, что он нарушит приказ Пауля не трогать ее.

Чтобы выполнить задачу, он заткнул ей рот – она не могла пустить в ход против него Голос, – и старая ведьма покорилась. Если бы она заподозрила, что ее жизнь в опасности, то упорно сопротивлялась бы. Но Стилгар не хотел битвы – ему нужна была казнь.

Когда кляп был надежно закреплен во рту, а руки привязаны к креслу, Стилгар встал перед старухой.

– Чани – дочь Льета и возлюбленная Муад'Диб – умерла, рожая близнецов. – Яркие глаза Мохиама расширились; он видел, что она хочет что-то сказать, но не может. – Гхола Хейт

отринул внушенную идею и отказался убивать Пауля Муад'Диб. – На лице Мохиам появилось странное выражение: словно в ее сознании бушевала буря. – Тем не менее Муад'Диб предался Шай-Хулуду, как подобает ослепшему фримену.

Стилгар достал из-за пояса криснож.

– Мне выпала задача восстановить справедливость. Мы знаем о твоей роли в заговоре. – Мохиам забила, пытаясь разорвать путы. – Штурман Гильдии уже мертв, Корба тоже. Принцесса Ирулан в камере для смертников.

Послышался звук – путы порвались, а может, сломалось запястье. Но Мохиам высвободила одну руку. Рука метнулась к кляпу, но криснож Стилгара оказался проворнее. Удар пришелся в грудь; Стилгар знал, что рана смертельна, но Мохиам продолжала бороться, заставляя руку вытащить кляп изо рта.

Стилгар снова ударил, пробив гортань и перерезав горло, Мохиам обмякла. Стилгар опрокинул кресло вместе с телом и посмотрел на свои липкие пальцы. Вытирая лезвие о темное одеяние преподобной матери, он подумал, что ее кровь выглядит и пахнет так же, как любая другая кровь...

Это не единственное убийство, какое приказала совершить Алия. Ночь была долгой и трудной.

Теперь, когда огромный червь приближался к бреши в Защитной Стене, пробитой ядерным оружием Пауля, Стилгар увидел преграду – баррикаду из наполненных водой кванатов, которые не может преодолеть никакой червь, тем более такой усталый, как этот. Лучше отпустить его на открытом песке. Стилгар столько раз ездил на песчаных червях, что потерял этому счет. Для фримена езда на песчаных червях всегда опасна, но бояться ее не стоит. Если соблюдаешь определенные правила.

Недалеко от бреши он пустил червя вперед, соскользнул с его колец и упал на песок. Потом встал и стоял неподвижно, чтобы червь не заметил его. У песчаных червей нет глаз, они только чувствуют вибрацию.

Но как только Стилгар его освободил, червь остановился и повернулся к нему. Обычно червь, освобожденный всадником, уходит в пустыню или зарывается в песок. Но этот остался на месте, огромный и страшный. Он высоко поднял гигантскую голову и направил ее на Стилгара. Пасть его походила на круглую пещеру, усаженную маленькими кристаллическими ножами.

Стилгар застыл. Червь знал, что он здесь, но не двигался к нему, не нападал. Мелко дрожа, наиб никак не мог забыть слухи о том, что Муад'Диб, уйдя в пески, стал одним из Шай-Хулудов. У безглазой головы червя был необычный, безглазый взгляд... заставлявший думать о Муад'Диб. Хоть и слепой, великий человек мог увидеть Стилгара благодаря своему дару.

Ему вдруг стало холодно. Что-то изменилось. Стилгар медленно вдохнул, мысленно сложил слова, но ни звука не сорвалось с его пересохших губ.

– Муад'Диб, ты здесь?

Глупо, но он не мог избавиться от этого чувства. Еще мгновение – и червь набросится на него и проглотит. Но этого не произошло.

Несколько долгих напряженных мгновений спустя огромное существо повернуло и скользнуло в пески; дрожащий Стилгар остался стоять. Он видел, как червь зарылся в песок, не оставив даже ряби.

Перепополняемый благоговением, соображая, что же он сейчас пережил, Стилгар привычным быстрым шагом пошел по дном к Защитной Стене и большому городу за ней.

Есть правило насчет сюрпризов: от большинства из них не жди добра.

Анонимное высказывание; старая Земля

Джессика много времени провела вдалеке от пустыни, от фрименов и от образа мыслей, типичного для Арракиса. Дюна. Она сделала глубокий вдох: уже в пассажирской каюте воздух как будто стал суше.

Нарядный политический транспорт спускался с орбиты, и Джессика смотрела на раскинувшийся за космопортом город, отмечая знакомые черты Арракина и кварталы новых домов. На северной стороне города господствовала огромная крепость Муад'Дибя, хотя внимания требовали многие новые здания на фоне неба. Многочисленные правительственные здания соперничали с огромными храмами Муад'Дибя и даже Алии.

С ее знанием методов Бене Гессерит для управления эмоциями, манипулирования историей и управления населением Джессика видела, что Пауль – точнее, его чиновники – собирались сделать. Главная цель правительства – создание восприятия и настроения. Давным-давно Бене Гессерит направила своих миссионеров на Арракис создавать легенды и готовить людей к мифу. При Пауле Муад'Дибя эти семена принесли плоды, но вовсе не те, какие предвкушали сестры из Бене Гессерит...

Транспорт опустился на площадку, предназначенную для важных посетителей. Вид в иллюминаторе закрыли песчаные вихри.

Когда открылись входные двери, Джессика ощутила в воздухе запах пыли и услышала шум ожидающей толпы. Толпа – море грязных одеяний и закрытых лиц – уже собралась. По местному времени был конец дня, и белое солнце отбрасывало длинные тени. Джессика видела сотни людей в коричневых и серых одеждах пустыни, они были перемешаны с горожанами в более яркой одежде.

Все они пришли посмотреть на нее. Джессика медлила, оставаясь в транспорте.

– Мне совсем не хотелось сюда возвращаться, Гурни. Совсем не хотелось.

Он долго молчал, безуспешно пытаясь скрыть свои чувства, свою тревогу или даже страх перед вопящими толпами. Наконец он сказал:

– Что это место без Пауля? Это не Арракис.

– Это Дюна, Гурни. Она всегда была Дюной.

Хотя Джессика по-прежнему не могла грустить – все эмоции в ней были заперты, – она почувствовала влагу на глазах, надежду на освобождение, которого она хотела, которое ей было необходимо. Но она не уронила ни слезинки. Дюна не позволяла ей отдавать воду мертвым, даже сыну, а сестры Бене Гессерит не одобряли эмоции в целом – за исключением средства манипулирования чужаками. Так оба учения – вера фрименов и наставления Бене Гессерит – помешали ей заплакать.

Джессика направилась к открытому выходу и яркому солнцу.

– Я уехала отсюда, Гурни, или сбежала? – Она надеялась провести остаток жизни на Каладане и никогда сюда не возвращаться. – Подумай, что сделала с нами эта планета. Дюна отобрала у меня герцога и сына и разбила все надежды и мечты нашей семьи. Она *поглощает* людей.

– Каждый сам создает собственный рай и ад. – Гурни протянул руку, и Джессика неохотно приняла ее. Прежде чем они вышли на открытое пространство, Гурни активировал защиту вокруг себя. – Рекомендую тебе сделать то же самое, миледи. В такой громадной толпе невозможно проверить всех, у кого-то может оказаться оружие.

Джессика послушалась, но слабо мерцающее поле не создавало ощущения безопасности.

На трапе челнока появился Стилгар в сопровождении шести рослых фэдэйкинов. Выглядел он усталым, мрачным и грязным – как всегда. Все тот же старина Стилгар. Снова увидев наиба, Джессика почувствовала себя увереннее.

– Саяддина, я здесь ради твоей безопасности. – Одновременно приветствие и обещание; он не позволил себе проявить радость, увидев ее после стольких лет. – Я отведу тебя прямо к регенту Алии.

– Я под твоей защитой, Стилгар.

Сейчас он весь погружен в дела, но Джессика надеялась, что позже они смогут выпить кофе с пряностью и поговорить – после того как они с Гурни уведут ее от толпы.

Другая группа воинов-фрименов ждала у подножия трапа, образуя кордон, чтобы провести мать Муад'Дибя через толпу, как будто защищая ее от ветров Дюны и песчаных бурь. Стилгар повел гостей вперед.

Из толпы выкрикивали имя Джессики, кричали, пели, приветствовали, просили благословения именем Муад'Дибя. Большинство в сумрачных зеленых одеяниях – цвет траура у фрименов. Некоторые в преклонении перед слепотой Пауля царапали глаза, пока кровь не полилась по щекам.

Обостренное внимание Джессики улавливало следы враждебности, вплетенной в ткань голосов, доносившихся со всех сторон. Люди хотели – они нуждались, требовали и горевали – но не могли сплавить свои чувства в единое действие. Смерть Пауля вызвала появление гигантской пустоты в обществе.

Стилгар торопил Джессику.

– Нельзя задерживаться. Сегодня здесь опасно.

«Здесь всегда опасно», – подумала она.

Охрана – федайкины – протискивалась сквозь толпу, Джессика услышала звон металла и крик. Двое стражников позади их бросились на землю, прикрывая что-то своими телами. Гурии встал между ними и Джессикой, дополнительно загораживая ее своим щитом.

Взрыв разорвал обоих стражников в кровавые куски, отлетевшие назад в толпу. Задетые взрывной волной люди трогали красные пятна, удивляясь влаге, появившейся на их одежде.

До боли сжав руку Джессики, Стилгар потащил ее в здание вокзала.

– Быстрой, тут могут быть другие убийцы.

На убитых стражников он даже не взглянул.

Под гневные мстительные крики Джессика быстро прошла в охраняемое здание. Гурии и оставшиеся федайкины закрыли за ней тяжелую дверь; шум толпы стих.

Огромное здание очистили по случаю ее приезда, в нем стояла гулкая тишина.

– Что случилось, Стилгар? Кто хотел меня убить?

– Кое-кто хочет навредить, и им подойдет любая цель. Им надо, чтобы другим было так же больно, как им. – Он говорил мрачно, с неодобрением. – Еще при жизни Муад'Дибя было много недовольных и негодующих. Люди слабы, они не понимают.

Гурии внимательно посмотрел на Джессику, желая убедиться, что она не ранена.

– Разгневанные люди наносят удары вслепую, и некоторые винят тебя, ведь ты мать Муад'Дибя.

– Да, верно – к добру или к худу.

Здание вокзала выглядело более ярким, чем ей помнилось, но изменилось не слишком; пожалуй, недавно выкрашено и добавлен легкий декор. Она не помнила также, чтобы на стенах было столько ястребов Атрейдесов – это дело Пауля или Алии? В нишах – статуи Муад'Дибя в различных героических позах.

Стилгар повел их по лестнице к посадочной площадке на крыше, где ждал серый армейский орнитоптер.

– На нем ты доберешься до крепости Муад'Дибя. Теперь ты в хороших руках.

С этими словами он ушел, торопясь вернуться к толпе и начать расследование взрыва.

К ним направился человек в защитном костюме зеленых и черных цветов Атрейдесов; маска свободно свисала ниже его лица. По спине Джессики пробежал холодок узнавания.

– Леди Джессика, добро пожаловать назад на Дюну. Много произошло с тех пор, как я здесь умер.

Гурни недоверчиво вскрикнул:

– Боги под нами – Дункан?

Мужчина был точной копией Дункана Айдахо. Даже голос был тот же; только серые металлические глаза отличали его от оригинала.

– Во плоти, Гурни Халлек, – плоть гхолы, но память моя.

Он протянул правую руку, но Гурни мешкал.

– Ты тот, кого тлейлаксы называли Хейтом?

– Хейт был гхойлой без памяти, биологической машиной, запрограммированной убить Пауля Атрейдеса. Я больше не Хейт. Я снова Дункан, прежний старый Дункан. Мальчишка, который работал на Каладане в конюшнях старого герцога; молодой человек, проходивший подготовку на Гиназе, чтобы стать мастером меча; мужчина, который защитил Пауля от убийц из дома Моритани и сражался за освобождение Икса от Тлейлаксу. – Он озорно улыбнулся Джессике. – И да, тот самый человек, который напилсяпряного пива и разбудил всех в резиденции Арракина криками о том, что ты предательница и шпионка Харконнена, миледи.

Джессика посмотрела в его необычные глаза.

– А еще ты отдал жизнь за то, чтобы мы с Паулем могли спастись после нападения на базу доктора Кайнса.

Она не могла забыть, как Дункан пал под ударами сардаукаров в мундирах Харконнена. Вид гхолы вызывал у нее тревогу, ощущение сместившегося времени.

Теперь Дункан показал на орнитоптер, приглашая их подняться на борт. Несмотря на толстую броню, внутри летательный аппарат был роскошный.

Войдя в пассажирский салон, Джессика увидела, что там сидит и смотрит на нее Алия.

– Спасибо, что прилетела, мама. Ты нужна мне здесь. – И, словно смущенная этим признанием, добавила: – Ты нам всем нужна.

Медные волосы подростка отросли, лицо похудело, и поэтому глаза, синие на синем, казались еще больше.

– Конечно, я прилетела. – Джессика села рядом с дочерью. – Прилетела ради Пауля и ради тебя. И ради моих новых внуков.

– Когда обстоятельства не могут, нас сводит трагедия, – процитировал Гурни.

*Никого не заставляют силой занять определенное положение в жизни. У всех есть возможность пойти другим путем.
«Беседы с Муад'Дибом» принцессы Ирулан*

Джессика удивилась, когда Дункан не занял место пилота, а сел рядом с Алией, предоставив пилотирование фримену. Алия с улыбкой и искренней теплотой коснулась его руки – очевидная романтическая привязанность. Много изменилось на Дюне и в доме Атрейдесов...

– Конечно, ты хочешь убедиться, мама, что близнецы в безопасности. – Алия повернулась к Дункану. – Прикажи пилоту сесть на западной посадочной площадке. Отправимся прямо в детскую.

Мальчик и девочка, дети Пауля, никогда не будут знать отца. Близнецы – наследники Муад'Дибы, следующая ступень новой династии, политические пешки. Ее внуки.

– Им уже дали имена? Пауль...

– Среди своих последних дел, перед... уходом, брат дал им имена. Мальчик Лето, в честь нашего отца. Девочку он назвал Ганимой.

– Ганима? – Гурни распрямылся, услышав знакомое слово из речи фрименов. – Военная добыча?

– Пауль настоял. С Чани до самого конца была Хара, и сейчас она заботится о новорожденных. Хара была ганимой Муад'Дибы, после того как он убил Джамиса; может, он так хотел оказать ей честь. Мы этого никогда не узнаем.

Орнитоптер летел над крышами Арракина, над похожими на муравейники домами стихийных, буйных, охваченных страстями и отчаянием толп: паломников, ловцов удачи, нищих, ветеранов джихада, мечтателей и тех, кому просто некуда идти.

Алия заговорила – громко, перекрывая гул двигателей и шум крыльев. Казалось, она охвачена иступлением и полна энергии.

– Теперь, мама, когда ты здесь, мы можем приступить к похоронам Пауля. Они должны быть грандиозными, под стать величию Муад'Дибба – нужно поразить всю империю.

Джессика сохраняла нейтральное выражение.

– Это похороны, а не представление жонглеров.

– Да, но с учетом прошлого Пауля даже жонглеры были бы уместны, тебе не кажется? – усмехнулась Алия. Очевидно, она уже приняла решение. – К тому же это необходимо не только ради памяти брата, но и ради стабильности империи. Наше правительство объединяла сила личности Пауля – без него мне придется использовать все возможное, чтобы укрепить наши институты. Время для представления, для бравады. Разве похороны Муад'Дибба могут быть менее впечатляющими, чем спектакли старого герцога с боями быков? – Девушка улыбнулась, и Джессика увидела в ее лице черты Лето. – У нас также есть вода Чани; когда придет время, мы устроим церемонию и для нее – еще один грандиозный спектакль.

– Разве Чани не предпочла бы скромные фрименские похороны?

– Стилгар говорит то же самое, но это была бы упущенная возможность. Чани хотела бы любым способом помочь мне – ради Пауля, если нет иных причин. Я рассчитывала, что и ты поможешь мне, мама.

– Я здесь, – ответила Джессика. Ее охватила печаль. *Но ты не Пауль.*

Ей было известно то, чего не знала ее дочь, – некоторые тщательно оберегаемые тайны и желания Пауля, особенно его взгляды на историю и свое место в ней. Сам Пауль, может, и сошел со сцены, но история так легко его не отпустит.

Медленно взмахивая крыльями, ревя двигателями, орнитоптер опустился на плоскую крышу комплекса крепости. Выйдя, Алия уверенно и грациозно пошла вперед, к влагонепроницаемой двери. Джесси и Гурни следом за ней вошли в элегантную оранжерею с прозрачными стенами из плаза.

Внутри от неожиданного избытка влаги у Джессики перехватило дыхание, но Алия словно не замечала миниатюрных джунглей экзотических влажных растений, нависавших над тропой. Отбросив за спину длинные волосы, она оглянулась на мать.

– Это самая защищенная часть крепости, поэтому детскую мы разместили здесь.

Арочную дверь охраняли два кизары, вооруженные длинными кинжалами, но священники молча расступились, позволяя пройти. Внутри стояли наготове три фedaйкина.

Взад и вперед ходили женщины в традиционной одежде фрименов. Хара, в прошлом нянька и наперсница Алии, стояла над близнецами, словно это были ее дети. Она посмотрела на Алию и кивнула, узнавая, Джессике.

Джессика подошла и посмотрела на Лето и Ганиму. Ее поразило, какое благоговение вызвали у нее дети. Они кажутся такими беспорочными, такими маленькими и беспомощными, им всего месяц. Она поняла, что мелко дрожит. Джессика забыла все сотрясающие империю новости, которые получила за последние несколько дней.

Словно связанные, дети одновременно повернули к ней личики, открыли широко поставленные маленькие глаза и посмотрели так сознательно, что Джессика удивилась. Так же выглядела в младенчестве Алия...

– За их поведением и взаимодействием постоянно наблюдают, – сказала Алия. – Я лучше всех понимаю, с какими трудностями они могут столкнуться.

Хара уверенно сказала:

– Мы заботимся о них, как хотели бы Чани и Узул.

Наклонившись, Джессика погладила маленькие изящные личики. Младенцы посмотрели на нее, потом переглянулись, и между ними словно промелькнуло что-то невидимое.

Для сестер дети – всего лишь генетический продукт, точки в долгой линии кровного родства. Дети у Бене Гессерит испытывали эмоциональную привязанность только к матери, часто даже не зная о своем происхождении. Самой Джессике, когда она воспитывалась в школе сестер на Валлахе IX, не говорили, что она дочь барона Харконнена и Гайус Элен Мохиам. И хотя в эмоциональном отношении ее воспитание у Бене Гессерит было чрезвычайно бедным, сердце ее устремилось к внукам, особенно когда она думала, какая тревожная и бурная жизнь их несомненно ждет.

Джессика снова вспомнила бедную Чани. Одна жизнь в обмен на две... Она научилась уважать женщину из фрименов за мудрость и бесконечную преданность Паулю. Как он мог не предвидеть такой страшный удар – потерю возлюбленной? Или знал, но ничего не мог сделать? Такой паралич перед лицом судьбы может любого свести с ума...

– Хочешь поддержать их? – спросила Хара.

Давно она не держала младенца.

– Потом. Я только... только хочу посмотреть на них. Пауль гордился бы ими.

Алия продолжала думать о церемониях и зрелищах.

– У нас очень много дел, мама. Теперь, после ухода Муад'Диб, мы должны вернуть людям надежду. Вдобавок к двум похоронам устроим крещение. И каждое из этих зрелищ должно напомнить людям, как они нас любят.

– Это дети, а не орудия управления государством, – сказала Джессика, но сама понимала, что это не так. Бене Гессерит научили ее, что в каждом человеке заложен потенциал, чтобы использовать его, – как орудие или как оружие.

– Ну, мама, раньше ты была прагматичнее.

Джессика погладила лицо маленького Лето и вздохнула, но не нашла, что сказать. Несомненно, вокруг этих детей уже началась возня.

Они подумала о том, что с ней и с другими такими, как она, сделали Бене Гессерит, включая жестокое обращение с Тессией, женой принца-киборга Ромбура Верниуса...

У Бене Гессерит всегда есть причины и оправдания.

Я пишу о Муад'Диб правду или то, что должно быть правдой. Некоторые критики обвиняют меня в искажении фактов и бессовестной лжи. Но я пишу кровью павших героев, окрасившей основание империи Муад'Диб! Пусть эти критики вернутся через тысячу лет, посмотрят на историю; посмотрим, смогут ли они тогда отмахнуться от моей работы как от пропаганды.

«Наследие Муад'Диб»

принцессы Ирулан (черновик рукописи)

«Качество правления можно измерить количеством тюремных камер, построенных для содержания несогласных». Джессика вспомнила это высказывание, которое прочла, когда училась в школе Бене Гессерит. За годы промывания мозгов сестры вбили ей в голову много сомнительных утверждений, но это по крайней мере верно.

На следующий день после прибытия на Арракин она узнала, где содержат принцессу Ирулан. Отыскивая список заключенных, Джессика поразилась, поняв, какую часть огромной широко раскинувшейся крепости ее сына используют как тюрьму с камерами для заключенных, комнатами для допросов и помещениями для смертников. Список преступлений, за которые полагалось высшее наказание, в последние годы заметно расширился.

Знал ли об этом Пауль? Одобрял ли?

Вероятно, казнить преподобную мать Мохиам без долгого суда было разумно – Бене Гесерит использовала бы этот суд, чтобы подорвать власть правительства. Кроме того, Джессика не сомневалась в виновности старой преподобной матери.

Но Ирулан в заключении, и ее судьба не определена. Лично рассмотрев улики, Джессика поняла, что дочь Шаддама участвовала в заговоре, хотя ее истинная роль оставалась неясной. Принцессу держали в камере, где хозяйничал Кизарат, но Алия пока отказывалась подписать смертный приговор.

За первый месяц регентства девушка и так вызвала большой шум, оскорбила многих потенциальных союзников, спровоцировала многочисленных возможных врагов. У нее были более важные дела. И Алия поступила мудро, затягивая решение.

Со старшей дочерью императора Джессика впервые встретила на Кайтэйне за несколько месяцев до рождения Пауля. После падения Шаддама Ирулан сделала многое и во благо, и во вред Паулю. Но как велик вред? Джессика надеялась – по политическим и личным причинам – отменить казнь.

Запомнив маршрут по картам и планам, она без охраны спустилась на тюремный уровень. Стоя перед закрытой дверью камеры Ирулан, она разглядывала надписи на стенах, мистические символы, начертанные в подражание исчезнувшей расе маудру. Очевидно, жрецы Пауля использовали древние руны в собственных целях.

Камеру охраняли два верных стража, священники, высоко поднявшиеся в зародившемся вокруг Пауля культе; Алия намеревалась использовать этот культ и расширить его. Эти люди никогда не пойдут против приказов регента; но и на Джессику они смотрят со страхом и почтением, и она может это использовать.

Расправив плечи, Джессика подошла к ним.

– Отойдите. Я хочу видеть жену сына.

Она ожидала спора или по крайней мере сопротивления, но священники-стражники и не подумали усомниться в ее приказе. Ей стало интересно, а подчинились бы они, прикажи она им упасть на крисножи. Одновременно поклонившись, они раскрыли дверь и пропустили ее внутрь.

В темной душной камере светловолосая принцесса сразу встала со скамьи, на которой сидела. Она собралась, поправила смятое платье и даже слегка поклонилась.

– Леди Джессика. Я ожидала, что ты прилетишь на Арракис, как только узнаешь о происшедшем. Я рада, что ты пришла до моей казни.

Несмотря на темноту в камере, Джессика видела осунувшееся лицо Ирулан, покорное выражение некогда зеленых, а теперь глубоко синих от пряности глаз принцессы. Даже техника поддержания душевного спокойствия Бене Гесерит не могла смягчить действия постоянного страха и напряжения.

– Казни не будет. – Джессика без колебаний повернулась к священникам. – Принцессу Ирулан надлежит немедленно освободить, она вернется в свои прежние покои. Она дочь императора Шаддама IV и жена Муад'Дибана, а также его официальный биограф. Содержать ее здесь неприемлемо.

Стражники были захвачены врасплох. Один из священников сделал жест, отвращающий зло.

– Регент Алия приказала бросить Ирулан в темницу, признав ее виновной.

– А я приказываю освободить ее.

Джессика говорила не резко и не угрожающе, просто уверенно констатировала факт. Все вопросы повисли без ответа, и стражники страшались не исполнить ее приказ.

Со всем изяществом, на какое была способна, Ирулан сделала три шага к стоявшей в дверях Джессике, но порога камеры не переступила. Хотя в этом поединке воля решалась ее судьба, на ее патрицианском лице не было облегчения, только легкий интерес.

Стражники мялись, никто не хотел принимать решение, а Джессика продолжила увещать:

– Бояться нечего. Думаете, она попытается сбежать? Принцесса Коррино сбежит в пустыню во фрименском платье и попробует выжить? Ирулан останется в крепости, под домашним арестом, пока Алиа не объявит о помиловании.

Воспользовавшись замешательством стражников, принцесса переступила порог камеры и встала рядом с Джессикой.

– Благодарю за любезность и веру в меня.

Джессика держалась холодно.

– Я воздержусь от оценки, пока подробней не узнаю о твоей роли в смерти моего сына.

Они быстро пошли прочь от стражников, пока не оказались одни, там, где никто их не видел. Ирулан с дрожью вздохнула, и Джессика поняла, что она говорит искренне.

– В камере у меня было достаточно времени для размышлений. И хоть я не пыталась убить Пауля... в чем-то я стала причиной его смерти. Отчасти я виновна в случившемся.

Джессике удивила легкость этого признания.

– Потому что не выдала заговорщиков, когда у тебя была возможность?

– И потому что ревновала его к этой фрименке. Я хотела стать матерью его наследников, поэтому тайно добавляла контрацептивы в еду Чани. За долгое время эти средства причинили ей вред: когда она забеременела, роды убили ее. – Принцесса напряженно посмотрела на Джессике глазами цвета индиго. – Я не знала, что она умрет!

Полученная подготовка автоматически подавила гнев Джессики, как до того помешала ей выразить свое горе. Теперь она лучше понимала, что двигало ее сыном и Ирулан.

– Тогда Пауль в отчаянии решил уйти в пустыню. Больше ничто его не удерживало: не стало его возлюбленной. Все прочие были ему слишком безразличны, чтобы он жил дальше. Так что это твоя вина.

Ирулан бросила на Джессике полный отчаяния взгляд.

– Теперь ты знаешь правду. Если хочешь, чтобы я вернулась в камеру, я пойду добровольно, пусть только наказание будет справедливым и быстрым.

Джессика с трудом сохраняла спокойствие.

– Возможно, мы сошлем тебя на Салусу Секундус к твоему отцу... или тебе лучше остаться здесь, где за тобой можно следить.

– Я могу присматривать за детьми Пауля. Я хочу этого, и я там нужна.

Джессика не была убеждена, что эту женщину можно подпускать к детям.

– Это будет решено позже – если тебе сохранят жизнь. – Она повела принцессу с тюремного уровня. – Наслаждайся свободой. Не могу поручиться, что это надолго.

Алиа пришла в ярость, но у нее хватило ума встретиться с матерью наедине и не устраивать скандала.

– Ты заставила стражников нарушить мой приказ, мама. Во время кризиса ты выставила меня слабой и поставила под сомнение мое право на власть.

Они разговаривали в большой, роскошно обставленной комнате. Через окно в потолке проходил желтый солнечный свет, но пыль на стеклах отбрасывала тени. Джессике удивило, что Алиа не позвала Дункана Айдахо, или Стилгара, или стражниц-амазонок, чтобы продемонстрировать свою силу. Очевидно, Алиа действительно хочет откровенного, хотя и нелегкого объяснения.

Джессика ровным голосом ответила:

– Откровенно говоря, твой приказ заключить принцессу в тюрьму был необдуманным. Я только надеюсь, что успела предотвратить дальнейший ущерб.

– Почему с тобой столько хлопот? Тебя много лет не было, и вдруг ты явилась, освободила важную пленницу и поставила под сомнение законность моего правления. Ты прилетела на Дюну, чтобы прервать мое регентство и захватить власть? – Алия села за длинный пустой стол. Выглядела она очень молодой и одинокой. – Осторожней, мама, я сама почти решила отдать ее тебе.

Джессика заметила необычную умоляющую нотку в голосе дочери. Какая-то часть Алии, пусть малая, хотела, чтобы власть перешла к матери, хотела отказаться от усилий и ответственности. Такова печальная участь правителя – правишь ли ты городом, планетой или империей.

Джессика села за стол напротив дочери и постаралась смягчить свои слова.

– Об этом не беспокойся. С меня хватит игр во власть Бене Гессерит, и мне совсем не хочется руководить империей. Я здесь как твоя мать и бабушка детей Пауля. Побуду месяц или два и вернусь на Каладан. Там мое место. – Она выпрямилась и заговорила более жестко. – А пока придется защищать тебя от некоторых твоих решений. Казнь Ирулан была бы огромной ошибкой.

– Мне не нужна твоя защита, мама. Я обдумываю свои решения, принимаю и придерживаюсь их. – Слегка пожав плечами, Алия с поразительной легкостью сменила настроение. – Не волнуйся, рано или поздно я выпустила бы принцессу. Толпа требует козлов отпущения и особенно ее крови. Заключение Ирулан должно было защитить ее и заставить задуматься об ошибках, которые она допустила. При правильном присмотре Ирулан способна принести большую пользу.

Джессика смотрела на нее.

– Ты надеешься держать Ирулан под присмотром?

– Она официальный источник знаний о Муад'Дибе, он сам назначил ее своим биографом. Если мы казним ее как предательницу, это бросит тень на все ею написанное. Я не настолько глупа. – Алия разглядывала воображаемую пылинку у себя на ногте. – Теперь она достаточно наказана, и нужно, чтобы она противостояла ереси Бронсо Иксианского.

– Неужели наследие Пауля так хрупко, что не выдерживает никакой критики? Ты слишком беспокоишься из-за Бронсо. Может, людям необходимо услышать правду, а не миф. Мой сын был великим человеком. Его незачем превращать в божество.

Алия покачала головой, и Джессика увидела ее уязвимость. Плечи и голос девушки дрожали.

– О чем он думал, мама? Как он мог вот так уйти и бросить нас? – Джессике удивило это неожиданное проявление горя: девушка выплескивала переживания, которые сама Джессика не умела выразить. – Тело Чани еще не на смертном одре, двое новорожденных, а он все бросает! Как Пауль мог быть таким эгоистом... таким слепцом?

Джессике хотелось обнять дочь и утешить, но она сдержалась. Слишком прочны были ее собственные стены.

– Горе может страшно изменить человека, изгнать всякую надежду и логику. Сомневаюсь, что Пауль о чем-то думал; он просто бежал от боли.

Расправив плечи, Алия собрала с силами.

– Ну, я не убегу. Это регентство, которое взвалил на меня Пауль, – великое бремя, и я отказываюсь следовать его примеру. Не предоставлю другим расчищать хаос. Не повернусь спиной к человечеству и к будущему.

– Я знаю, что ты этого не сделаешь. – Джессика медлила, она опустила взгляд. – Мне следовало посоветоваться с тобой об Ирулан. Я действовала... под влиянием порыва.

Алия долго и жестко смотрела на нее.

– Это можно исправить. Если ты согласна, мои министры оповестят, что я отдала приказ выпустить Ирулан, а ты просто исполняла его.

Джессика улыбнулась. Конечный результат тот же самый, а новость не сочтут свидетельством конфликта между дочерью и матерью.

– Спасибо, Алия. Вижу, ты учишься искусству управления. Это хорошее решение.

*У меня в сознании всегда критические события моей первой жизни: убийство старого герцога Пауля во время боя быков, Война Убийц между Эсазом и Грумманом, бегство молодого Пауля, когда он присоединился к жонглерам, ужасная ночь в Арракине, когда пришли Харконнены... моя собственная смерть от руки сардаукара в крепости доктора Кайнса. Все подробности остаются отчетливыми.
Дункан Айдахо, записано Алией Атрейдес*

Рассвет коснулся поверхности пустыни и скальных выступов; одинокий орнитоптер летел высоко, чтобы не потревожить своими вибрациями больших червей. Пилотировал корабль Дункан Айдахо.

«Как в старые времена, – подумал Гурни. – И в то же время все совсем иначе». Шестнадцать лет он знал, что его друг мертв, но благодаря аксолотлевым чанам на Глейлаксу смерть перестала быть необратимой.

Впереди в низких солнечных лучах они видели серебристые крыши и бастионы наземной сканерной установки.

– Вот наша цель, – сказал Дункан. – Типичная база. Можно узнать все об уровне безопасности перед церемонией погребения. На это событие с бесчисленных планет прибывают десятки тысяч кораблей. Мы должны быть готовы.

Приготовления к грандиозному мероприятию продолжались, а на Дюну обрушился поток гостей: от дипломатов, надеявшихся установить благоприятные отношения с регентством, до последних нищих, пожертвовавших всем, чтобы совершить священное путешествие. Гурни не был уверен, что система безопасности планеты в состоянии справиться с этим натиском и неслыханной сумятицей.

Накануне вечером он спросил Дункана о состоянии защитных установок на окраинах Арракина. Все еще привыкая к своей новой/старой дружбе, они сидели за потертым столом на военном уровне крепости, пили нелепо дорогое пряное пиво и не думали о цене.

Сделав большой глоток, Дункан сказал:

– Я собирался в должное время посетить эти установки, но меня задержали другие обязанности. Теперь мы можем сделать это вместе.

– Смерть императора, конечно, нарушает все расписания, – с горечью заметил Гурни.

Глейлаксы заменили прежнюю открытость Дункана мистицизмом ментата, но после второй порции пива он начал раскрываться, и Гурни одновременно радовался и печалился, видя проблески прежней натуры старого друга. Однако, все еще настороженный, он на пробу сказал:

– Я мог бы спеть. В моих покоях мой балисет – тот самый старый инструмент, что я купил на Чусуке, когда мы вдвоем вдвое с Суфиром Хаватом отправились на поиски сбежавшего с Икса Пауля.

Дункан ответил легкой улыбкой.

– Суфира с нами не было. Были только мы с тобой.

Гурни усмехнулся.

– Просто проверяю, помнишь ли ты.

– Помню.

Теперь, когда орнитоптер приблизился к периметру аванпоста, Гурни узнал одну из старых сканерных станций Харконнена, расставленных на равнине вокруг Арракина. Некогда скромная наблюдательная станция теперь обросла новыми укреплениями и служебными помещениями, ее многочисленные крыши и высокие стены были уставлены мощными ионными

пушками, способными уничтожить корабль на орбите – даже лайнер Гильдии, если того требуют обстоятельства.

– Арракис всегда был объектом нападения, поэтому Пауль во время джихада укрепил оборону планеты. Теперь, когда Пауля не стало, Алия хочет, чтобы я убедился, что мы готовы к неожиданностям.

– Шаддам жив и в изгнании на Салусе Секундус, – заметил Гурни. – Это тебя тревожит?

– Меня тревожит многое, и я стараюсь быть готовым ко всему. – Направляя орнитоптер к посадочной площадке станции, Дункан передал опознавательный сигнал. – Я никогда не отказывался от твоей помощи, Гурни. Пауль хотел бы, чтобы мы работали вместе.

«Пауль», – подумал Гурни с горечью. Конечно, подлинный Дункан Айдахо должен был помнить его именно так, ведь это имя Атрейдеса, напоминание о Каладане, артефакт истории. Здесь, на Дюне, Пауль стал Муад'Дибом, совсем иной личностью, чем сын герцога.

Под рев двигателей, искусно работая стабилизаторами, Дункан посадил орнитоптер на оплавленную площадку за укрепленными стенами аванпоста. Они вышли и направились в центральное здание, куда по причине неожиданной инспекции сбегались военные.

Дункан рядом с Гурни методично переходил от одной установки к другой, браня солдат за неаккуратность. Он указывал на невычищенные и неоткалиброванные орудия, на пыль на механизмах слежения, на помятые мундиры, обратил внимание даже на запахпряного пива в утреннем воздухе.

Гурни не мог винить его в том, что он недоволен состоянием станции, но он помнил также, как упал нравственный дух в войсках Атрейдесов после прибытия герцога Лето на Арракис.

– Пауля не стало, и эти люди в растерянности. «Солдат всегда должен сражаться, но он дерется смелей, когда есть за что». Не ты ли сказал это, мастер меча?

– Мы оба мастера меча, Гурни Халлек, хотя ты и не обучался на Гиназе. Я тебя кое-чему научил. – Глядя на солдат, Дункан – ментат – провел свой анализ. – Они приспособятся. Алия должна знать, что они не в лучшем состоянии. После похорон Пауля я всех тут перетрясу и накажу самых злостных нарушителей, чтобы привести в чувство остальных.

Это заявление встревожило Гурни: исторически Атрейдесы никогда не правили с помощью страха. Но все изменилось, когда Пауль стал мессией фрименов и взошел на трон Дюны, получив под свою руку империю из тысяч беспокойных планет.

– Я бы хотел, чтобы ты сделал это как-то иначе, – сказал он.

Гхола посмотрел на него металлическими глазами. В эту минуту он вовсе не походил на Дункана.

– Нужно думать о реальности, старый товарищ. Если Алия сейчас проявит слабость, это чревато нашим падением. Я должен защитить ее.

С высокой стены укрепления Гурни смотрел на пояс неровных скал, частично охватывавший бесконечное пространство песка. Он понимал, что Дункан прав, но здесь, кажется, не было конца жестокости правительства.

– Я вижу в глазах воинов признаки слабости и слышу то же самое в голосе начальника станции. – Дункан посмотрел на спутника. – Я научился читать самые незначительные подробности, потому что под поверхностью всегда скрывается смысл. Я вижу это даже в твоём лице, в том, как ты сейчас смотришь на меня. Я не чужак.

Гурни задумался над ответом.

– Верно, я был другом Дункана Айдахо и оплакивал его смерть. Это был смелый и верный воин. Ты выглядишь и ведешь себя, как он, хотя ты гораздо сдержанней. Но гхола... не понимаю. Каково это?

Дункан словно смотрел в прошлое.

– Помню первые мгновения сознания, когда я, смущенный и испуганный, лежал в луже жидкости на твердом полу. Тлейлакс сказал, что я был другом императора Пауля Муад'Дибба, а теперь должен втереться к нему в доверие и уничтожить его. Это было подсознательное программирование... для меня *невыносимое*. Я отказался исполнять приказ, навязанный мне, разбил свою искусственную дугу и в это мгновение снова стал Дунканом Айдахо. Это я, Гурни.

Глухо – это было скорее обещание, чем угроза – Гурни сказал, положив руку на рукоять кинжала:

– Если я когда-нибудь заподозрю, что ты намерен причинить вред семье Атрейдесов, я убью тебя.

– И если действительно будет так, я не стану противиться. – Дункан вздернул подбородок, запрокинул голову. – Обнажи кинжал, Гурни Халлек. Вот, я обнажил горло, если ты сейчас так считаешь.

Прошло долгое мгновение, Гурни не шелохнулся. Наконец он убрал руку с рукояти.

– Настоящий Дункан именно так предложил бы свою жизнь. Я принимаю тебя... сейчас... и признаю, что никогда не смогу понять, через что ты прошел.

Дункан покачал головой. Они стали спускаться по длинной крутой лестнице к посадочной площадке, где ждал орнитоптер.

– Когда-нибудь ты умрешь и тогда, возможно, поймешь.

Подлинное прощение резке меланжи.

Фрименская пословица

Толпа, окружившая храм Алии, напирала со всей доступной ей энергией. Множество жизней, множество сознаний, все в едином настрое...

Стоя на балконе храма высоко над толпой, Джессика поняла, что должен был испытывать Пауль как император, что ежедневно испытывает Алия. Белое солнце Арракиса высоко над головой, и башня храма превратилась в гномон, бросающий стрелку тени на циферблат из людей.

– Спасибо за то, что сделала это, Алия, – сказала принцесса Ирулан, высокая и хладнокровная, но даже не старающаяся скрыть искреннюю благодарность и облегчение.

Алия посмотрела на нее.

– Пришлось. Мать заступилась за тебя, и ее слова были разумны. К тому же этого хотел бы Пауль.

Стоя рядом с принцессой, Джессика сложила руки.

– Это открытая рана, и ее нужно залечить.

– Но есть условия, – добавила Алия.

Взгляд Ирулан не дрогнул.

– Условия всегда есть. Я понимаю.

– Хорошо, тогда пора.

Не откладывая, Алия вышла вперед на солнце. Когда люди внизу увидели ее, их голоса осязаемо понеслись вверх. Алия стояла, глядя на толпу; улыбка на ее лице застыла, волосы свободно свисали.

– Моего отца никогда так не приветствовали, когда он обращался к народу на Кайтэйне, – прошептала Ирулан Джессике.

– После Муад'Дибба люди никогда больше не станут смотреть на своих вождей по-прежнему.

Джессика понимала, какой опасной и соблазнительной может быть власть; поняла она и то, что Пауль высвободил вихрь сознательно, понимая, что делает. И вихрь вырвался на волю.

Когда-то давно, в пещере фрименов, ее очень пугал его выбор – разжечь большой костер из пропитанной религией растопки традиций пустыни. Опасная путь, и, как оказалось, ковар-

ный, чего и опасалась Джессика. Как Пауль мог думать, что сумеет погасить пламя, когда надобность в нем отпадет? Теперь Джессика боялась за Алию в этой буре, боялась того, что вынесет на поверхность человечество.

Алия заговорила, ее усиленный голос разнесся над большой площадью. Толпа затихла, впитывая ее слова.

– Мой народ, мы переживаем трудное и опасное время. Сестры Бене Гессерит учили меня, что нужно уметь приспособливаться. Фримены говорят, что мы должны отомстить. А я говорю, что мы должны *залечить* рану.

Враги Муад'Диб, те, кто организовал этот заговор, понесли кару. Я приказала казнить их, и мы вернули себе их воду. – Она повернулась и протянула руку в помещение башни, призывая Ирулан. – Но есть еще одна рана, требующая исцеления.

Принцесса расправила плечи и встала на солнце рядом с Алией.

– Вы слышали разговоры, будто принцесса Ирулан участвовала в заговоре. Кое-кто из вас гадает, насколько она виновна.

Ропот превратился в низкий хоровой рык. Джессика, оставаясь не на виду, в комнате, стиснула кулаки. Она говорила Алие, что нужно сделать, и дочь согласилась с тем, что это разумно. Но сейчас – когда все эти люди в ее власти – Алия может передумать и велит казнить Ирулан, и ничто во вселенной не спасет ее. Люди ворвутся в храм и растерзают Ирулан.

– Прочь сомнения, – сказала Алия, и Джессика облегченно вздохнула. – Ирулан была женой моего брата. Она любила его. Ради собственной любви к брату, ради Муад'Диб объявляю ее невиновной.

Теперь Джессика тоже вышла к ним, и теперь три эти сильные женщины, три *целившие* женщины, которые так повлияли на жизнь Муад'Диб, стояли плечом к плечу.

– Как мать Муад'Диб, я составлю и подпишу документ, который полностью освободит принцессу от обвинений. Да будет она чиста в ваших глазах.

Алия воздела руки.

– Ирулан – официальный биограф Муад'Диб, избранный им самим. Она напишет правду, чтобы все могли понять истинную сущность Муад'Диб. Да будет благословенно имя его в анналах времени.

Толпа машинально откликнулась:

– Да будет благословенно имя его в анналах времени.

Три женщины еще некоторое время стояли, стискивая руки друг друга, чтобы все могли видеть их гармонию: мать, сестра и жена.

Принцесса тихо сказала Алие:

– Я у тебя в долгу.

– Ты всегда была у меня в долгу, Ирулан. А теперь, разделавшись с этой опасной помехой, мы посмотрим, как тебя лучше использовать.

*Муад'Диб никогда не рождался и никогда не умирал. Он вечен,
как звезды, как луны и как небо.*

Обряд Арракина

Мать не должна хоронить сына.

В частной ложе, выходящей на центральную площадь Арракина, Джессика и Гурни стояли рядом с Алией, Дунканом, Стилгаром и недавно прощенной принцессой Ирулан. К ним приближалась погребальная колесница, обтянутая черной тканью; ее тащили два хармонтеспских льва. Такой символический жест – на протяжении столетий так хоронили императоров Коррино – предложила Ирулан.

Джессика знала, что это не похоже на традиционное фрименское погребение. Церемонию планировала Алия; она утверждала, что этого требует тщательно сочиненная и постоянно

растущая легенда о Муад'Дибе. Казалось, вся равнина Арракина не может вместить миллионы, пришедшие оплакивать Муад'Дибу.

Сразу после заката небо окрасилось в нежные тона, длинные тени протянулись по городу. Над головой пролетали во множестве корабли наблюдения, некоторые совсем низко. Когда небо потемнело, десятки привлеченных гильдейских кораблей пронеслись через атмосферу, выпуская потоки ионизированного газа, что выявляло линии магнитного поля и создавало удивительное северное сияние. Облако крошечных частиц быстро пронеслось по снижающимся орбитам, отчего возник постоянный метеоритный дождь, как будто само небо огненными слезами оплакивало смерть великого человека.

В этот вечер семь дней великолепия достигнут кульминации во время похорон Муад'Дибу; сегодня обряды будут описывать жизнь и величие Пауля. Но Джессике показалось, что все это скорее напоминает о крайностях, творимых его именем.

Часом раньше Джессика наблюдала, как два фedaй-кина поместили в колесницу большую погребальную урну – роскошный кувшин, в котором должна была находиться вода Муад'Дибу со смертного одра. Однако сосуд пуст, ведь тело Пауля не найдено, несмотря на самые настойчивые поиски. Как и положено, голодные пески поглотили его без следа.

Но, не оставив тела, Пауль лишь подкрепил миф о себе и дал жизнь новым слухам. Многие истово верили, что он не умер; в последующие годы несомненно появятся свидетели, видевшие загадочного слепого, который и есть Муад'Диб.

Джессика ощутила холодок, вспомнив рассказ Тандиса, последнего фримена, который видел Пауля перед тем, как тот покинул снетч Табр и ушел во враждебную пустыню. Последними словами Пауля – он произнес их, уходя в ночь, – были: «Теперь я свободен».

Джессика помнила и другое время: Паулю тогда было всего пятнадцать лет и он только что справился с гом-джаббаром преподобной матери Мохиам.

– Зачем ты меня проверяешь на человечность? – спросил он у старухи.

– Чтобы освободить, – ответила Мохиам.

Теперь я свободен.

Может, в конце концов Пауль увидел в таком необычном уходе способ вернуться к своей человеческой природе, отказаться от обожествления?

Со смотровой площадки Джессика смотрела в сторону высокой Защитной Стены, окрашенной последним вечерним светом в яростные оттенки бронзы. Именно здесь Муад'Диб и армия фанатиков-фрименов одержала великую победу над императором Коррино.

Джессика помнила Пауля в разном возрасте – и умного ребенка, и молодого человека, и императора Известной Вселенной, и руководителя джихада, пронесшегося по всей галактике. «Ты мог стать фрименом, – думала она, – но я по-прежнему твоя мать. Я всегда буду любить тебя, куда бы ты ни ушел отсюда и какую бы тропу ни выбрал».

Львы тащили колесницу к помосту, а рядом шли фedaй-кины в мундирах и жрецы в желтых одеяниях. Впереди два героя джихада несли зелено-черные знамена Атрейдесов. Огромная гудящая толпа расступилась, пропуская процессию.

Сосчитать толпу было совершенно невозможно; миллионы и миллионы собрались в городе и за его пределами – и фримены, и люди с других планет. Привычку к изобилию воды у этих инопланетян выдавала не только гладкая, лишенная морщин плоть, но и разноцветная одежда, фальшивые защитные костюмы и сшитые специально к случаю наряды. Даже те, кто пытался одеться, как местные жители, явно выделялись. Опасное место и время для неосторожных. На окраинах убивали тех, кто не проявлял должного уважения к императору Муад'Дибу.

Джессика попадала в особую категорию инопланетян – тех, кто адаптировался. Во время первого прибытия на Арракис шестнадцать лет назад она и ее семья были мягче, чем сами подозревали, но время, проведенное здесь, закалило их физически и духовно. Спасаясь от пре-

дательства Харконнена, Джессика и ее сын жили ближе к фрименам, чем – без преувеличения – любой другой инопланетянин. Они стали частью пустыни, слились с ней.

Пауль выпил Воды Жизни и едва не умер, но при этом получил неограниченный доступ к миру фрименов. Он не просто стал одним из них, он стал фрименом во всем. Муад'Диб не просто индивид: в нем соединились все когда-либо существовавшие фримены и те, кто еще будет существовать. Он стал их мессией, избранным, которого послал Шай-Хулуд, чтобы показать им дорогу к вечной славе. А сейчас, уйдя в пустыню, он сделал это место еще более священным.

Он олицетворял пустыню и ее жизнь, и ветры пустыни разнесли его по всему человеческому существованию.

Погребальная колесница остановилась перед помостом. На самом верху сидел возница-фримен. Внешне не проявляя горя, Алия отдала приказ подручным.

Служители сняли с колесницы черную драпировку, другие отпрягли и увели львов. Возница спустился, почтительно поклонился идее, заключенной в пустом кувшине, и исчез в толпе.

Внутри разукрашенной колесницы вспыхнул свет, и ее борта начали раскрываться, как огромные цветочные лепестки, открыв стоящую внутри урну Муад'Доба. Сама урна тоже засветилась, словно внутри у нее загорелось солнце, озаряя в сгущающейся тьме площадь. Люди в толпе опускались на колени, пытались пасть ниц, но не было места.

– Даже в смерти мой брат вдохновляет свой народ, – сказала Алия матери. – Муад'Диб – Тот, Кто Указывает Путь.

Джессика утешалась тем, что Пауль вечно будет жить в воспоминаниях, рассказах и традициях, переходящих от поколения к поколению, от планеты к планете. Но в глубине души она не могла принять смерть Пауля. Он был так силен, так энергичен, так полон жизни. Но способность видеть будущее и огромное горе из-за того, что он совершил, победили его.

Здесь, на похоронах, Джессика повсюду видела обезумевших, сраженных горем людей... и чувствовала внутри пустоту.

Миллиарды и миллиарды людей погибли во имя Муад'Доба и его джихада. Всего он стерилизовал девяносто планет, полностью лишил их жизни. Но Джессика знала – это было необходимо, неизбежно из-за его предвидения. Джессике потребовалось много времени, чтобы понять, поверить, что Пауль знал: он поступает правильно. Джессика сомневалась в нем, почти отвернулась от него – с трагическими последствиями... но со временем узнала правду. Она признала, что сын был прав: пойдя он другим путем, погибло бы гораздо больше людей.

Сейчас все эти смерти сфокусировались в одной – в смерти Пауля Орестеса Атрейдеса.

Урна продолжала светиться, а Джессика боролась с чувствами любви и потери: эти чувства чуждые концепции Бене Гессерит, но сейчас Джессике было все равно. *Хоронят моего сына*. Она с радостью позволила бы всем видеть ее печаль. Но она по-прежнему не могла горевать открыто.

Джессика знала, что произойдет дальше. Достигнув наибольшей яркости, пустая урна на портативном генераторе силового поля поднимется над площадью и озарит ярким светом зачарованные толпы внизу, как солнце существования Муад'Доба; она будет подниматься, пока не исчезнет, символически взойдя на небо. Возможно, слишком нарочито, но толпы будут смотреть с благоговением. Такое грандиозное зрелище мог бы поставить сам Рейнвар Великолепный, и Алия планировала церемонию напряженно и страстно.

Урна без тела светилась все ярче, и Джессика услышала в вышине рев двигателей и хлопанье крыльев орнитоптеров. Глядя в потемневшее небо, украшенное северным сиянием и потоками падающих звезд, она увидела группу летательных аппаратов; они шли в строгом строю, выпуская густой пар; какой-то коагулирующий газ слипался и пенился, как грозовая туча.

Неожиданное дополнение к шоу? С грохотом катящихся камней над толпой раскатился гром, за ним последовала череда более низких угрожающих раскатов.

Люди, уверенные, что это часть погребальной церемонии, отворачивались от урны, но Джессика знала, что в плане этого нет. Встревоженная, она шепотом спросила у Алии:

– Что это такое?

Молодая женщина повернулась, глаза ее сверкнули.

– Дункан, узнай, что происходит.

Но гхола не успел даже шелохнуться – на нижней стороне облака появилось огромное лицо, проекция, видимая сквозь клубы пара. Джессика сразу узнала это лицо: Бронсо Иксианский.

Гомон толпы стихал, и над площадью загремел голос.

– Отвернитесь от этого циркового мошенничества и поймите, что Муад'Диб был человеком, а не богом! Он был сыном герцога из ландсраада и больше никем. Не смешивайте его с Богом – не позорьте обоих. Раскройте глаза и прогоните глупые иллюзии.

Под гневный рев толпы погребальная урна зашипела и перестала светиться, генератор силового поля отказал, и урна тяжело рухнула на площадь. Люди в трауре проклинали небо, требовали крови человека, который осквернил их священную церемонию.

Проекция лица в вышине разбилась на множество фрагментов: вечерний ветер начал разгонять искусственное облако. Связанные орнитоптеры одновременно упали с неба и загорелись над крышами правительственных зданий, окружающих площадь.

Толпа с криками кинулась во все стороны, люди топтали друг друга. Гудели сирены скорой помощи, бегали полицейские и медики, воздвигая электронные сдерживающие барьеры. Алия отдавала приказы; она отправила в толпу священников, чтобы успокоить людей, но одновременно искать сообщников Бронсо.

Джессика осталась на смотровой площадке. Раненых как будто было немного, и она надеялась, что погибших не будет совсем. Она невольно восхищалась изобретательностью Бронсо, понимая, что он воспользовался иксианской технологией для своего шоу. Джессика также знала, что он достаточно хитер, чтобы избежать пленения. Самого Бронсо вблизи Арракина нет.

Вода – это жизнь. Сказать, что одна капля не имеет значения, все равно что сказать, будто не имеет значения одна жизнь. Этого я не могу принять.

Комментарии Стилгара

Алии казалось, что подрывные действия Бронсо – это скорее оскорбление в ее адрес, чем попытка запятнать память Пауля. Она разослала дознавателей и шпионов в поисках соучастников, и вскоре были арестованы сотни подозреваемых.

Джессика не одобряла действий Бронсо, но причину их понимала. Она подозревала, что и Паулю не понравилась бы показная, броская церемония похорон. Хотя ее сын сознательно поддерживал представление о себе как о полубоге, он со временем понял ошибку и попытался исправить ее.

На другое утро после похорон Джессика застала Стилгара на краю космопорта Арракина; он присматривал за погрузкой клановых знамен фрименов, флагов домов ландсраада и вымпелов с покоренных планет.

Наклонив голову, Джессика смотрела на корабль-перевозчик воды, ярким пятнышком появившийся в небе; корабль спускался на столбах выхлопов и ионизированного газа, окруженный вооруженными армейскими судами для защиты груза. Со знакомым, не похожим на гром звуком раскололось небо: корабль тормозил в атмосфере над посадочной площадкой.

Садись и другие корабли; конденсированная влага блестела на их корпусах, закипая при прикосновении с горячим металлом, со свистом – выравнивалось давление – открывались входные люки. Стюард проверил прочность трапа и протянул документы одному из сотрудников администрации космопорта, облаченному в желтое одеяние кизары. К двигателям корабля уже подбегали работники со шлангами, чтобы предотвратить утечку горючего.

Вокруг садись все новые челноки, грузовые корабли и фрегаты, один – под скрежет неисправных двигателей. К грузовым люкам подкатывали машины; грузчики смены выстраивались и просили благословения Муад'Дибана.

Джессика стояла рядом со Стилгаром, который негромко, не отрывая взгляда от деятельности космопорта, говорил:

– Я хотел посетить прощальную церемонию моего друга Узула из снетча Табр. Но похороны не в обычае фрименов.

Он показал на все еще не разошедшиеся толпы, на бригады рабочих и тяжелое оборудование. Продавцы сувениров расхваливали свои товары, некоторые снижали цены, чтобы распродать остатки, другие, наоборот, повышали, ведь такие предметы становятся редкими и наполненными глубоким смыслом.

– Твоя дочь хочет организовать водную церемонию и для Чани. – Строгий и консервативный наиб покачал головой. – Но увидев, что регент организовала для Муад'Дибана, я усомнился, что Чани окажут такие почести, какие хотелось бы ей и всему ее племени.

– Ситуация на время вышла из-под контроля, Стилгар. Пауль сам создал и поддерживал это.

– Но Чани нет, саяддина. Она была солдатом моего отряда и дочерью Лита; она фримен, а не просто символ, каким хочет ее видеть Алия. У нас, фрименов, похорон не бывает.

Джессика повернулась к нему, прищурившись.

– Не пора ли вернуться к реальности? Вода Чани значит для фрименов больше, чем для любых зрителей. Плоть принадлежит человеку, вода – племени. И никакая ее часть не принадлежит имперскому политическому шоу. Истинный фримен позаботится, чтобы ее вода не пропала зря.

Лицо Стилгара помрачнело.

– Кто может противиться воле регента?

– Ты. Мы оба можем. Если будем осторожны. Мы должны это сделать.

Стилгар выгнул брови и повернул к ней обветренное лицо.

– Ты предлагаешь мне послушаться Алии?

Джессика пожала плечами.

– Вода принадлежит племени. А племя Чани фримены, а не вся империя. Если забрать воду Чани, мы сумеем провести церемонию правильно. Я сама буду иметь дело с дочерью. Можно добиться удовлетворительного для всех нас исхода. Сейчас Алия занята поисками Бронсо и его сообщников. Самое время забрать воду Чани – и сохранить ее.

Продавцы воды бродили по улицам, оглашая их своими необычными криками. Нищие и паломники окружали рабочих, которые убирали со столбов траурные знамена. Джессика видела, как десятник в оранжевом костюме рвал ткань на полоски и продавал как сувениры с похорон Муад'Дибана. Наполняя воздух громким ревом, садился очередной космический корабль, но Джессика и наиб окружили себя собственной вселенной.

Стилгар посмотрел на нее синими на синем глазами.

– Я знаю как.

Ночью, слушая скорбные крики, видя, как после смерти Муад'Дибана продолжают прибывать со многих планет паломники (и зная, что каждый перелет приносит большую прибыль

космической гильдии), Стилгар пришел к окончательному выводу, что столь позорное поведение не подобает фрименам.

Он был другом Пауля Атрейдеса с тех пор, как молодой человек принял в снетче имя Узул. Он видел, как Пауль впервые убил человека – горячего Джамиса, которого племя давно забыло бы, если бы смерть в должное время и от должной руки не наделила его чем-то вроде исторического бессмертия.

Но *это*, думал Стилгар, стоя в толпе на улице Арракина, одетый в плотно облегающий защитный костюм (в отличие от большинства инопланетян, которые никогда не усвоят водную дисциплину), – *это* совсем не та Дюна, которую он помнит.

Стилгар никогда не любил Арракин, да и вообще города: толпа неприспособленных паломников, преступления в темных переулках, мусор, шум и необычные запахи. И хотя жизнь в снетчах тоже изменилась, все равно она была чище, чем в городе. Там люди не выдавали себя за кого-то другого, иначе не прожили бы долго. Пустыня отделяет истинных от самозванцев, а город как будто не знает разницы и на поверку вознаграждает нечистых.

Маскируя отвращение носовыми затычками и шарфом-фильтром, Стилгар шел по улицам, слушал атональную музыку, доносящуюся с небольших площадок, где паломники с одной планеты собирались и обменивались воспоминаниями. Из кюветов, забытых отходами, разило. Толпы оставляли столько мусора, что его некуда было убирать – даже открытая пустыня не могла его поглотить. Дурные запахи – плохой признак для фрименов, ведь гниение означает потерю влаги. Стилгар плотнее приладил затычки в ноздрях.

В многолюдном Арракине человек может оставаться один только внутри себя. Никто не обращал внимания на переодетого наиба, который приближался к крепости Муад'Диб. Только подойдя к входу, он назвал себя и назвал пароль. Стражники с уважением расступились, действуя словно части часового механизма.

Для того, что задумал Стилгар, ему лучше было бы оставаться незамеченным, но без власти и авторитета, переданных ему Муад'Дибом, он никогда не сделал бы того, о чем просила Джессика. Стилгар нарушал правила; он действовал по законам чести, а не по другим законам. Он должен забрать воду – незаметно и тайно, даже если для этого потребуется несколько ходок, несколько тайных ночных миссий.

Муад'Диб погиб не один. По крайней мере Стилгар и Джессика помнят об этом...

Он добрался до угнетающе тихих покоев, где жил Узул со своей любимой наложницей. Рано или поздно священники Кизарата превратят это крыло дворца в большое святилище, но пока люди посматривали на эти комнаты с благоговением и не трогали их.

На верху плиты из песчаника стоял узорный канопик – погребальная урна с водой Чани. После трудных родов маленькое тело на смертном одре дало только двадцать два литра.

Прежде чем стать женщиной Муад'Диб, она была дочерью Лита-Кайнса. Истинный фримен, воин Дюны, она в составе отряда Стилгара сражалась во многих битвах. Мозолистыми пальцами он провел по украшениям на краю урны. Холодок суеверного страха пробежал вдоль спины. Вода – это только вода... но возможно ли, что дух Чани тоже где-то здесь?

Ее отец Лит, имперский планетолог, убитый Харконненом, был сыном Пардота Кайнса, который возродил во фрименах мечту о перемене климата Дюны. Товарищ Стилгара, вместе с ним сражавшийся против Харконнена, Лит умер потому, что посмел помочь Паулю Атрейдесу и его матери.

Став императором, Муад'Диб позаботился, чтобы мечта доктора Кайнса начала осуществляться. По его приказу Стилгар увеличил темпы преобразований и основал новую школу планетологов. Если Муад'Диб действительно был Лисан аль-Гаиб, то есть Сокращающий Пути, то Лит Кайнс стал катализатором.

А Чани приходилась ему дочерью.

Регент и ее стража-амазонки проклянут его за то, что он задумал, но у Стилгара на руках уже была кровь преподобной матери Мохиам и кровь остальных. Он сделает это.

Откупорив урну, он перелил часть содержимого в контейнеры-литраки, их легче переносить и прятать под плащом. Чтобы забрать все, потребуется прийти еще по меньшей мере два раза, но у Стилгара, капитана стражи, есть возможность избежать обнаружения. С драгоценной ношей он выскользнул из покоев Муад'Дибана.

– Кому понадобилось это делать? – Алия вначале просто удивилась, но потом ее настроение изменилось. Джессика видела, как на лице дочери меняются чувства: смятение, потом гнев, потом что-то похожее на страх. – Кто мог проникнуть в помещения моего брата?

Зиренка Валефор, глава стражи амазонок, доложившая о происшествии, была на голову выше Алии, но происшествие так ее расстроило, что она искала поддержки у регента. Алия отдала приказ.

– Пошли за Дунканом.

Быстро поклонившись, Зиренка выбежала.

Покачав головой, Алия посмотрела на мать.

– Должно быть, новое преступление Бронсо Иксианского. После того что он устроил на похоронах Пауля, он хочет уничтожить и церемонию Чаны. Я разоблачу его. Когда люди узнают...

Джессика прервала ее.

– Лучше ни с кем не говори об этом, Алия.

Алия заморгала, вскинула голову.

– Украли воду Чани. Как можно оставить это без внимания? И что им нужно? Когда на вопрос нет очевидного ответа, я подозреваю худшее.

Джессика мысленно уже перебрала все возможности в поисках лучшего способа смягчить напряжение, чтобы и Стилгар и фримены получили то, что хотят, – воду Чани, и Алия была довольна.

– Я не сказала, что нужно отмахнуться, но ты можешь снять напряжение. Тот, кто совершил это преступление: один из приспешников Бронсо или другой преступник – он, вероятно, хотел вызвать панику и тревогу. Что им нужно – выкуп? Они угрожают как-то осквернить эту воду? Независимо от этого они ожидают, что ты поднимешь страшный шум. Не доставляй им такого удовольствия. Не привлекай внимания к происшествию.

Предложение Алии не понравилось.

– Мы должны помешать им, кем бы они ни были. Вода Чани исчезла. Как теперь провести памятную службу?

Джессика оставалась спокойной и беззаботной.

– Это вода. Наполни контейнер снова, и никто не узнает. Если Бронсо заявит, что вода Чани у него, как он сможет это доказать? – Она не считала свое предложение ни изобретательным, ни бесчестным. Но это решение даже Бене Гессерит признал бы приемлемым. *Мы оба получим то, что хотим.* – Вода есть вода, и ты сможешь совершить памятную церемонию, как и планировалось.

А фримены проведут свою, чтобы по-своему почтить память Чани. Стилгар тоже будет доволен. И Пауль, который даже после смерти будет знать, что поступили правильно.

Алия задумалась, потом кивнула.

– Приемлемое решение. Оно устраняет все угрозы.

У нас есть сведения о том, что торговцы оружием пытаются продавать прожигатели камня, даже после того как такое оружие

***ослепило Муад'Дибба и было объявлено вне закона. Огонь прожигателя
камня ничто в сравнении с мстительным духом Муад'Дибба.
Зиренка Валефор, глава стражи амазонок***

После скандала на погребении несчастных задержанных подвергли допросам; допросы вели самые жестокие и воинственные жрецы Алии. Покойный (и неоплаканный) Корба называл этот процесс «привычным ужасом». Группы людей может объединять общая цель, великие мечты и праведные заблуждения, но в темной камере, оставшись в одиночестве, человек ведет себя совсем иначе. У каждого есть своя слабость, и опытный заплечных дел мастер умеет ее обнаружить.

А Алиа требовала ответов.

Пауль знал о подобной практике, но отворачивался, когда его подчиненные проводили такие жестокие допросы. Однажды даже был пойман и подвергнут допросу Бронсо Иксианский, но – вопреки всему – сбежал! Алии так и не удалось избавиться от подозрения, что к бегству иксианца приложил руку сам Пауль, хотя она не понимала, зачем он это сделал. Пауль не хотел, чтобы Бронсо допрашивали в камере смертников, хотя иксианец всячески его порочил.

В охватившем всю вселенную джихаде погибли миллиарды; почему ее брату не хватало духа на меньшие неприятности? Но, учитывая ошибки Пауля, Алиа постоянно и тайно наблюдала за допросами главных виновников. И, будучи наблюдательной, иногда замечала то, что упускали другие.

Пока, несмотря на самые тщательные допросы подозреваемых, никакой ценной информации получить не удалось. Либо Бронсо и его приспешникам невероятно везет и они обладают сверхчеловеческой хитростью и коварством, либо иксианец действовал в одиночку. Алиа отказывалась принять оба ответа.

К счастью, Алиа сумела использовать появление Бронсо на похоронах как повод для отражения других нападков на Муад'Дибба и дом Атрейдесов. По ночам полиция Кизарата прочесывала Арракин, Карфаг и бесчисленные деревни; полицейские выламывали двери и арестовывали нелегальных торговцев оружием, пытавшихся продавать прожигатели камня, такие, как тот, что огненным столбом ослепил Пауля.

Арестованные торговцы передавали им списки покупателей, а запретное оружие конфисковывалось и доставлялось на Арракин – попадая в запасы Алии. В опасные и напряженные первые месяцы регентства Алиа Атрейдес нуждалась в консолидации сил и в контроле над производством, распространением и использованием тяжелого оружия.

– Имена приносят новые имена, – говорила Валефор.

На сессии регентского совета Алиа односторонним декретом изменила давние правила Великого Соглашения относительно ядерного оружия. Раньше Великим Домам разрешалось иметь ядерные боеголовки, но они могли использовать их лишь в строго определенных обстоятельствах. Отныне в качестве временной чрезвычайной меры хранение ядерного оружия запрещалось всем, кроме имперского регентства.

Но как отобрать боеголовки у окопавшихся семейств ландсраада? Алиа начала с программы обмена, по которой благородные дома могли обменять свое ядерное оружие на большие количества пряности, доли КООАМ, дающие право голоса, и другие преимущества. За несколько недель после оглашения декрета многие дома послушно выдали свое ядерное оружие; после трудностей джихада им нужны были деньги и пряность. Все равно ядерное оружие уже тысячу лет не использовалось в войнах соперничающих семейств.

Но некоторые семейства ландсраада оставили древнее ядерное оружие у себя – причем Алиа знала, что без всякой осмысленной цели. Жрецы и чиновники аккуратно отмечали поступление оружия, и вскоре стало ясно, что далеко не все благородные дома подчинились декрету.

Используя это как отправную точку, Алия попросила Дункана составить перечень потенциально опасных домов. Она представила список в Кайтэйне вновь собравшемуся (и неэффективному) ландсрааду и потребовала тщательного расследования деятельности этих домов во время джихада. Алия не желала, чтобы ее застигли врасплох.

Вооруженная этой информацией, она попыталась ввести экономические санкции против пассивно непокорных миров, но не исключала и иных возможностей, вплоть до использования ядерного оружия против особенно упрямых. В конце концов, в ходе джихада Пауль стерилизовал девяносто планет; что в сравнении с этим потеря еще нескольких миров?

На Каладане Джессика по утрам час или два обихаживала сад, обдумывая дела предстоящего дня. Теперь, когда рассвет окрасил небо в пыльно-бежевый и канареечно-желтый цвета восхода, она пришла в один из герметически закрытых садов сухого климата в крепости Муад'Диб. Растения здесь нуждались в очень небольшом количестве влаги – вследствие либо природного отбора, либо усиленной гибридизации. Они отрасли изогнутые жесткие ветви, листья с толстой кожицей, острые шипы – непробиваемую защиту от суровых природных условий.

Узнав о смерти Пауля, Джессика бросилась на Дюну, но думала она не только о потере сына. Речь шла о целой империи, которой предстояло выжить или пасть в результате решений Алии. Джессика постоянно думала о наследии Пауля, о том, как искажаются в восприятии населения его действия и слова, но она не задумывалась над тем, что случится с империей *без Пауля*. Какое наследие дома Атрейдесов получают дети – Лето и Ганима?

Течение ее мыслей прервало появление троих мужчин и женщины; они пришли в сад в поисках Джессики. Странная компания. Все в разной одежде, и их внешность, черты лица и цвет кожи не позволяют усомниться в том, что они представляют разные миры, расы и культуры. Все похоже на представителей правительств.

Джессика распрямилась у модифицированного кактуса чолла; растение выглядело словно фигура, застывшая во время молотьбы. Из тени кактуса она смотрела на посетителей; конечно, чтобы забраться так далеко, они должны были пройти строжайшую проверку.

– Просим прощения за приход без приглашения, миледи, но мы надеемся на откровенный разговор с глазу на глаз, – сказала изящно сложенная женщина с фарфорово-белой кожей; на плечи ей падали иссиня-черные волосы. Держалась она так же строго и официально, как говорила. Джессика ее знала: Нала Тур из Союза Тьюпил. – Мы пришли поговорить с тобой не только как с матерью Муад'Диб и имперского регента, но и как с герцогиней Каладана.

У высокого худого мужчины рядом с ней коричневая кожа, бусины в волосах и жемчужины на щеках. Он говорил глубоким баритоном.

– Нам нужно поговорить с тобой о делах ландсраада. Меня зовут Хайрон Баха с Медеи. Регент Алия игнорирует наши обращения, но мы надеемся, что ты поможешь нашим мирам быть услышанными.

Джессика растерла затекшую шею и осторожно заговорила.

– Я согласна поговорить с вами, но вы переоцениваете мое влияние. У меня здесь нет никакого официального статуса. Я прилетела на похороны сына и вернусь на Каладан, как только смогу.

Ответ Наллы Тур прозвучал резко:

– Ты по-прежнему член ландсраада и правишь Каладаном. Будешь ты посещать заседания ландсраада в новом зале на Кайтэйне или нет, ты в ответе перед перестроенными домами.

– Я в ответе перед многими. О чем вы просите – и ради кого?

Заговорил третий мужчина, приземистый, сделанный словно из одних мышц, – что свойственно обитателям планет с большим тяготением. Андаур, предположила Джессика, судя по акценту.

– Мы четверо – представители ранее изгнанных благородных домов, укрывшихся за стенами Гильдии на Тьюпиле. В последние годы правления Пауль Муад'Диб подписал документ, амнистирующий нас и позволяющий нам вернуться к управлению, не боясь суда и казни.

– Теперь закрыт весь ландсраад – вернее, то, что от него осталось, – сказала темноволосая женщина.

Хайрон Баха скрестил руки на груди и отбросил пряди усаженных бусинами волос.

– Мы совещались на Кайтэйне с представителями девяноста восьми других домов, но регент лишила ландсраад подлинной власти. И теперь она требует, чтобы мы отказались от ядерного оружия. Она явно хочет всех нас разоружить.

– А что если нам понадобится защищаться от внешнего врага? – сказал четвертый представитель, полный мужчина, смуглый, с резким голосом. Джессика его не узнала, а он не представился.

Она примирительно хмыкнула.

– Внешнего врага не было уже десять тысяч лет. Мою дочь больше волнуют непримиримые дома. Ядерное оружие много столетий не использовалось против населения, так какая вам от него польза? Учитывая заговоры против моего сына, Алиа имеет полное право тревожиться, как бы ядерное оружие не обратили против нее.

Мужчина с резким голосом сказал:

– И лучше передать его в руки неуправляемых фанатиков? Посмотри, какой ущерб уже причинил джихад.

Джессика не могла с этим спорить, но были вещи, о которых она не хотела говорить этой группе. Она никак не откликнулась на эти слова, хотя посетители ждали.

– Мы говорим о ландсрааде. – Налла Тур теряла терпение. – Тысячу лет мы сдерживали господство Коррино и устанавливали равновесие. У нас есть права и традиции, которые позволяют нам входить в нынешнее правительство. Даже Муад'Диб признавал мудрость дальнейшего существования ландсраада. Регент Алиа не должна править без нас.

Джессика не принимала их доводы.

– Муад'Диб умер всего месяц назад. Вы ожидаете быстрого возврата к прежнему правлению?

Плотный мужчина с планеты с большим тяготением примирительно заговорил:

– Твой сын только на словах признавал перестроенный ландсраад, а регент еще менее настроена делиться с нами правительственной ответственностью. Нам нужна твоя помощь. Мы не можем позволить Алиа превратиться в тирана.

Джессика нахмурилась.

– В тирана? В моем присутствии тщательней выбирайте слова.

Она сделала предупреждающий жест и случайно укололась о шипы кактуса чолла, на ее ладони появилась кровь.

– Простите, миледи, но мы говорим от лица всех заинтересованных и отчаянно нуждаемся в вашей помощи.

– Когда будет возможность, я поговорю с дочерью, и как мать, и – вы только что сказали – как член ландсраада. Но она регент, и я не могу ручаться, что она прислушается.

Хайрон Баха низко поклонился, и бусины в волосах нависли над его лицом.

– На всех нас отразился джихад, леди Джессика. Мы все знаем, что человечество много поколений будет приходить в себя. Нельзя допустить ухудшения.

Джессика посмотрела на свою ладонь, потом на кактус. «Какой бы шаг я ни сделала, всегда будут ждать опасности, – подумала она, – и никакая осторожность не уберет меня от них».

*Пауль был отражением нашего отца герцога Лето Справедливого.
Но я отражение не моей матери Джессики, но всех матерей, что были*

*до меня. И этот огромный запас Других Воспоминаний наделил меня
великой мудростью.
Святая Алия Ножа*

Джессика чувствовала необходимость отдать долг памяти Пауля более частным образом; это не была потребность Бене Гессерит и не политическая необходимость; просто мать хотела попрощаться с сыном. Благодаря Стилгару она также могла посетить традиционную торжественную и тайную церемонию фрименов, посвященную памяти Чани... но об этом Алия не знает.

После завтрака Джессика сказала дочери, что хочет посетить сьетч Табр, место, откуда Пауль ушел в дюны, отдав тело пустынной планете и оставив в легендах память о себе.

Алия неуверенно улыбнулась; у нее было выражение дочери, которая очень хочет получить одобрение матери. Обладая мудростью, далеко превосходящей возможности ее возраста, Алия телесно оставалась подростком; она еще физически росла, открывая мир с помощью других органов чувств.

– Я пойду с тобой, мама... Это паломничество мы должны совершить вместе... ради Пауля.

Джессика поняла, что думала преимущественно о себе и о сыне и недостаточно внимания уделяла Алии. «Я всегда, не сознавая этого, отстраняла от себя дочь?» Джессика потеряла Лето, теперь Пауля... у нее осталась только Алия. Выбрав себя за ошибку, она сказала:

– Я буду рада, если ты поедешь со мной.

Они быстро подготовились к неофициальной поездке в сьетч; обе не хотели ее превращения в грандиозную процессию, сопровождаемую просителями, доносчиками и плачущими жрецами. Теперь, когда официальный траур закончился, Алия как будто понимала потребность матери в одиночестве; возможно, девушка чувствовала то же самое.

Они оделись в платье обычных паломниц, чтобы незаметно пройти к общественной посадочной площадке. Здесь их встретит Дункан: он готовит орнитоптер к полету в пустыню.

Идя по улицам Арракина, Джессика впитывала картины и звуки, она чувствовала бушующую энергию населения: все эти сознания и души генерировали коллективную силу, которая вела человечество вперед. Здесь они с Алией превратились просто в мать и дочь, неотличимых в толпе от других. И Джессика задумалась, часто ли родители испытывают неловкость с детьми. У большинства девушек-подростков совсем иные заботы, чем те, что тяжелым бременем лежат на Алии.

– Когда я узнала, что ты прилетаешь, – неожиданно сказала девушка, – я с нетерпением ждала тебя, чтобы услышать твой совет. Пауль ценил твое мнение, мама, я его тоже ценю. Но я знаю, что ты не одобряешь некоторые мои действия в начале регентства. Я делаю только то, что считаю необходимым и чего хотел бы Пауль.

Джессика ответила уклончиво.

– Пауль тоже принимал много решений, которые меня тревожили. – Хотя лидерство сына беспокоило ее, Джессика поняла, что он видит перед собой гораздо более обширную картину времени и судьбы; видит, что через нее идет единственная узкая, полная опасностей тропа. Мало кто мог понять, какая грандиозная цель стояла перед ним. Он был прав и верил в свою правоту так сильно, что неодобрение матери ни в коей мере не могло его поколебать. Оглядываясь в прошлое, Джессика понимала, что Пауль часто делал то, за что она сейчас осуждала Алию. Возможно, в отношении дочери у нее есть слепое пятно.

– Я встревожена – и как мать, и как человек. Не могу избавиться от опасения, что ты на краю пропасти.

Алия уверенно ответила:

– Я прочно стою на ногах, и я прагматик.

– А меня не интересует управление империей. Между нами не должно быть трений.

Алия рассмеялась, коснулась рукава матери.

– Конечно, между нами есть трения, потому что мы очень похожи. Со мной все твои воспоминания.

– Только до момента твоего рождения. С тех пор я многое узнала и изменилась.

– Я тоже, мама. Я тоже.

На краю космопорта они миновали базар, возникший как временная стоянка продавцов с их товарами. За десятилетия он разросся и стал постоянной особенностью Арракина. Полимерные навесы создавали искусственный потолок, под которым укрывались от безжалостного солнца паломники и охотники за сувенирами. Большие вентиляторы всасывали воздух и отфильтровывали все капли влаги.

В своих палатках сидели предсказатели, они смотрели в многоцветные нарядные карты, толковали расположение карт Таро Дюны с картинками, отражавшими в том числе недавние события и трагическую потерю Муад'Диб; странные чувства охватывали при виде Слепца. Джессика видела, что большинство продавцов предлагают иконы, святые реликвии и прочие «священные» предметы – всевозможный хлам, и ко всему были прикреплены сомнительные сертификаты, свидетельствующие о «подлинности».

– Этот плащ носил сам Муад'Диб! – кричал продавец и называл астрономическую сумму, которая должна была «доказать» его искренность. С полдюжины продавцов утверждали, что в их распоряжении подлинный перстень-печатка Атрейдесов, и обвиняли друг друга во лжи. Конечно, подлинный перстень хранился в крепости. Другие продавцы предлагали предметы, которых коснулся Муад'Диб, или благословил их, или даже просто взглянул на них, как будто его взгляд делал вещь священной реликвией.

Само обилие этих предметов на базаре было нелепостью, а ведь это только один такой базар. По всему Арракину раскинулись еще сотни, и такие же рынки существуют на бесчисленных планетах. Джессика смотрела в отчаянии.

– Мой сын стал приманкой для туристов. Пищей шарлатанов, которые пользуются легковерием клиентов и их готовностью обманываться.

Лицо Алии искажил гнев.

– Они лжецы, все лжецы. Как они могут доказать справедливость своих утверждений? Они порочат имя моего брата.

– То же самое делали на Каладане и при жизни Пауля, в худшие годы джихада. Когда я больше не могла это переносить, мы с Гурни выслали их.

– Я здесь сделаю то же самое. Карты Таро Дюны всегда плохо на меня действуют. – В голове Алии словно вращались колесики; она на мгновение задумалась. – Можешь посоветовать, как это устроить?

То, что дочь так открыто просила о помощи, ободрило Джессику.

– Да, но позже. Сейчас мы направляемся в пустыню, чтобы попрощаться с моим сыном и твоим братом. Сейчас не время для политики.

Остаток пути до посадочной площадки они прошли молча; там у орнитоптера их ждал Дункан, молодой и здоровый, в безупречном мундире – словно перепрыгнул через многие годы из прошлого.

После того как их высадили у снетча, Джессика остановилась у входа и посмотрела на пустыню.

– Здесь родились мои внуки. И умерла Чани.

Дункан казался непривычно встревоженным, но выражение его лица не было выражением ментата, погруженного в расчеты.

– Это еще и место, где я пытался убить Пауля.

– И где гхола Хейт снова стал Дунканом Айдахо.

Алия обернулась и обняла его.

Не прося их следовать за ней, Джессика пошла по тропе, выходящей меж скал по вершинам дюн и склонам золотого песка. Ветер усилился, свежий ветер, который фримены называют *пастаза*, достаточно сильный, чтобы поднять пыль и песок, но не предвещающий бури.

Джессика шла по мягкому теплему песку, поднимаясь по ближайшему склону и оставляя за собой заметные следы. Она смотрела за сухой горизонт и видела бесконечный ничем не прерываемый ландшафт. Смотрела на песок, пока не заболели глаза; она искала следы пребывания Пауля, как будто его фигура могла силуэтом появиться среди дюн, возвращаясь из священного путешествия, собственного хаджа к Шай-Хулуду.

Но ветры и пески времени стерли все святые отпечатки, и там, где он прошел, не осталось ни следа. Пустыня без него опустела.

***Я знаю, о чем вы думаете. Знаю, что вы делаете. А лучше всего я знаю, что делаю сама.
Святая Алия Ножка***

Непредсказуемость.

Сидя в почти пустом зале для аудиенций, Алия улыбнулась про себя, когда в сознании всплыло это слово. Непредсказуемость – гораздо больше, чем просто слово; это полезный инструмент и мощное оружие. Непредсказуемость воздействует не только на ближайших помощников и советников, не только на Кизарат, но и на массы, которыми она правит. Никто не знает, о чем она думает и как принимает решения в качестве регента. И это заставляет окружающих держаться настороже, заставляет гадать, что она сделает дальше, на что она вообще способна.

Ее непредсказуемость заставляла мешкать даже худших из шакалов, и она надеялась, что это даст ей время укрепить власть и набраться сил, прежде чем какой-нибудь узурпатор попытается пошатнуть ее правление. Но действовать нужно быстро и решительно.

Одетая в черную абу с красным ястребом Атрейдесов на плече, Алия нетерпеливо ждала. Была середина утра второй недели после похорон Муад'Дибя, группа рабочих передвигала тяжелый хагарский изумрудный трон.

– Разверните его. Я решила сидеть спиной к посланцам иксианской федерации, когда те войдут.

Рабочие в замешательстве остановились. Один из них сказал:

– Но тогда ты не сможешь видеть посланцев, миледи.

– Конечно, и лишу их привилегии видеть меня. Я недовольна ими.

Хотя технократы утверждали – уже много лет, – что разорвали все связи с Бронсо, Алия им не верила. Слишком много подозрений и вопросов, слишком много удобных объяснений. Пауль питал некоторую слабость к Иксу из-за своих детских воспоминаний; Алия не страдала подобной сентиментальностью. Технократы должны понять, что сестра Муад'Дибя – правитель совсем другого типа. Алии необходимо, чтобы равновесие в Иксианской конфедерации не восстановилось; структуры власти легче контролировать, когда почва под ними неустойчива.

Она тщательно обдумала все это.

Даже оставаясь в одиночестве, Алия много времени проводила, обдумывая последствия своих решений. Она знала, что ее мать мудрая женщина, но часто советы Джессики казались Алии односторонними или ограниченными. Сегодня наконец Алия не станет спрашивать мнения матери. Известно, что на Каладане люди размякают, теряют былую жесткость.

У Алии есть и иные советчики – молчаливые, Другие Воспоминания, которые развертываются в ее сознании какофонией противоборствующих мнений. Часто она впадала в транс в личных покаях, поедая много пряности, чтобы совершить путешествие в архивы воспоминаний Бене Гессерит. Она не могла выбирать или находить определенное лицо, точно книгу

в библиотеке. Воспоминания приходили и уходили, и некоторые личности кричали громче остальных.

Сейчас, размышляя о появлении иксианцев, она подпустила к себе воспоминания. Слушая голоса, она видела, как одна из прошлых жизней поднялась над остальными, слышала резкий голос Другого Воспоминания. Мудрая старая женщина, которая сталкивалась со многими трудностями и бедами, сейчас противостоящими Алии. В конце концов, эта женщина была Говорящей Истину императору Шаддаму IV... Преподобная мать Гайус Элен Мохиам.

Алия мысленно заговорила с ней насмешливым голосом.

«Ты по-прежнему называешь меня отвратительной, бабушка? Даже когда стала всего лишь голосом во мне?»

Ответ Мохиам прозвучал сухо и язвительно:

«Позволив мне советовать, дитя, ты проявляешь мудрость, а не слабость».

«Почему я должна доверять голосу женщины, которая пыталась меня убить?»

«Да, но ведь именно ты приказала убить меня, дитя».

«Ну и что? Я убила и своего деда-барона – его нужно было убить. Неужели для тебя я могла сделать меньше? Разве нас не учат отвергать и даже презирать эмоциональные связи и пристрастия?»

Мохиам казалась довольной.

«Возможно, достигая зрелости, ты начинаешь учиться на своих ошибках. Я готова помочь».

«А ты училась на своих ошибках, бабушка?»

«Ошибках? – В голове Алии прозвучал сухой смех. – Если ты считаешь, что я допускала ошибки, зачем просить моего совета?»

«Просить совета совсем не то, что нуждаться в нем, бабушка. Как по-твоему, что мне следует сделать с этими иксианцами?»

«Думаю, тебе следует заставить их корчиться».

«Потому что они втайне поддерживают Бронсо?»

«Очень сомнительно, что они знают хоть что-то об этом твоём предателе. Однако они так стремятся доказать это, что ты можешь добиться от них многих уступок. Чем острее ты заставишь их чувствовать страх и вину, тем больше они захотят угодить тебе. Попробуй использовать это как рычаг против них».

Алия не ответила, и Мохиам отступила, смешалась с гулом голосов. Учитывая то, что она сделала с этой ведьмой, можно ли прислушаться к ее совету? Может быть. Что-то в ее словах и в том, как она их говорила, похоже на правду.

Тем временем вспотевшие рабочие трудились, разворачивая трон. Они могли бы использовать портативные генераторы силового поля и повернуть громоздкий трон одним движением пальца, но они кряхтели, напрягались и толкали. Это был их способ служения ей.

Три черные пчелы жужжали над головами рабочих: особенно они приставали к смуглому инопланетянину с темной щетиной на лице. Кусачие насекомые липли к его потному лбу. Он отпустил трон, чтобы отмахнуться от пчел, пока остальные с натугой устанавливали свою ношу на помосте. Раздраженный мужчина сбил пчелу на ручку трона, раздавил кулаком и небрежно отбросил.

Слова Алии заставили его вздрогнуть.

– Кто разрешил тебе давить пчелу об имперский трон?

Удивленный своим внезапным поступком, мужчина обернулся: он задрожал, лицо его вспыхнуло, в глазах появилось виноватое выражение.

– Н... никто, миледи. Я не хотел никого оскорбить.

Алия извлекла из ножен на шее свой криснож и размеренным голосом сказала:

– После ухода Муад'Дибба все жизни в империи переданы под мое руководство. Включая твою. И даже жизнь столь незначительного существа, как насекомое.

Рабочий закрыл глаза, смирившись с судьбой.

– Да, миледи.

– Вытяни руку ладонью вверх.

Дрожа, рабочий повиновался. Точным движением ножа Алия срезала кусок кожи с ладони, с той ее части ладони, которая прикасалась к ручке трона. Рабочий шумно втянул воздух от боли и неожиданности, но руку не отдернул и о пощаде не молил.

«Достаточно», – подумала Алия. Он усвоил урок, остальные тоже. Алия вытерла лезвие о рубашку мужчины и убрала в ножны.

– Моего отца называли Лето Справедливый. Наверно, во мне есть частица его.

Непредсказуемость.

Когда прибыла делегация иксианцев, Алия сидела на троне и смотрела на оранжевый занавес на стене за ним. Ее медные волосы были скреплены золотыми водными кольцами, которые показывали всем, что она, как и ее брат, считает себя фрименом. Алия слышала, что технократы вошли, но не повернулась к ним. Дункан учил ее никогда не поворачиваться спиной к двери, но Алия считала символическим свое презрение к этим людям.

Позади мажордом объявил о приходе иксианцев, и она услышала приближающиеся шаги. Эти шаги прозвучали на натертом полу громко, потому что Алия приказала рабочим не расстилать царский ковер. Шаги были неровные, Алия слышала в них неуверенность.

Стоявшие в большом зале для аудиенций зашумели и утихли; всем было любопытно, что Алия сделает дальше. Она не знала, как зовут главу делегации, и ей было все равно. Все технократы одинаковы. Семь лет назад, после падения правящего дома Верниуса, когда Бронсо, последний наследник дома, ушел в подполье, чтобы распространять свои обвинения, планета Икс значительно расширила исследования и производство и мало интересовалась политикой реконструированного ландсраада.

Алия слышала, что люди остановились у подножия трона и неуверенно переминаются с ноги на ногу. Откашливание, шорох одежды и нотка досады в мужском голосе:

– Леди Алия, мы пришли по вашей просьбе.

Алия заговорила, обращаясь к стенке:

– Вы знаете, зачем я вас *вызвала*?

Другой голос, более холодный и логичный:

– Можем догадаться. Иксианец бросил вызов императорскому двору. Ты надеешься, что у Конфедерации есть сведения о местонахождении Бронсо Иксианского.

Первый голос:

– Мы осуждаем действия изгнанного Верниуса!

Алия жестко сказала:

– Бронсо Верниус воспользовался иксианской технологией, чтобы внести смятение в похороны моего брата. Какие еще приемы он может использовать? Какую еще технологию вы передали ему, чтобы он мог вредить мне?

– Никакую, миледи! Я гарантирую, что Совет технократов не имеет к этому отношения.

Она слышала фальшь в этом голосе.

Второй голос:

– Почтительно напоминаем, что Икс некогда был близким другом дома Атрейдесов. И надеемся восстановить этот благотворный союз.

– У Атрейдесов союз был не с Советом технократов, – сказала Алия, – а с домом Верниус. Бронсо сам в молодости разорвал эти узы.

– Как видишь, миледи, Бронсо давно уже принимает неразумные решения. Он не представляет интересы Икса. Это нежелательный пережиток прошлого и устаревших обычаев.

«Прошлых и устаревших, – подумала Алия. – Было время, отец дружил с Ромбуром Верниусом, и того требовала честь, а не только коммерция и промышленность. Эти люди забыли, как дом Атрейдесов помог восстановить власть Верниусов после захвата Тлейлаксу».

– Все равно вам следует заслужить мое расположение. – Она побарабанила пальцами по ручке трона. – Пусть ваши представители доставят новые технологии и устройства, недоступные другим. Дункан Айдахо осмотрит их и решит, что годится для укрепления моего регентства. А когда он сделает выбор, вы должны будете предоставить мне исключительное право использования этих технологий. После этого посмотрим, восстановится ли мое доброе мнение об Иксе.

Легкое замешательство, возможно, неслышные переговоры внутри делегации, и наконец логичный голос произнес:

– Совет технократов искренне приветствует такую возможность, великая госпожа.

Воспоминания и ложь причиняют боль. Но мои воспоминания правдивы.

*Бронсо Иксианский,
интервью в камере смертников*

На многочисленных палубах и в служебных коридорах лайнеров Гильдии вайку всегда находили укрытия для Бронсо. Чувствуя свое сходство с ним, этот подобный цыганам народ, служивший стюардами на кораблях Гильдии, втайне помогал Бронсо с тех пор, как тот начал попытки уничтожить миф, окружающий Пауля Атрейдеса.

Бронсо ежедневно менял свое местожительство и порт, укрываясь в пустующих гостиницах или в маленьких каютах. Всегда настороженный и бдительный, он сводил к минимуму используемую энергию, чтобы сторожевые псы Гильдии не заметили нехватки. Он в бегах уже семь лет – с тех пор, как начал распространять свои писания. Иногда он жил в роскошных каютах, которые напоминали ему о днях жизни в Большом Дворце на Иксе в бытность его наследником дома Верниус. Но Бронсо ни на мгновение не пожалел об утраченных удобствах и богатствах. Он отказался от них добровольно – у него было более важное призвание. Совет технократов разложил и развратил все, что было хорошего и благородного на его родной планете. И сейчас Бронсо был занят своей работой – творил историю.

В суматохе, продолжавшейся на нестабильных мирах после смерти Муад'Диб, корабли Гильдии продали билетов больше, чем на них было мест, члены богатых родовитых семейств боролись за свободные каюты.

В этом конкретном полете Эннзин, один из союзников Бронсо, отвел ему крошечную каюту, не указанную на планах.

Бронсо не жаловался: у него были скромные потребности, только свет и место, где бы он мог в одиночестве писать свои разоблачительные послания. Его борьба с фанатизмом, марающим наследие Пауля, казалась невозможной, но он взвалил на себя эту задачу. Он единственный смел открыто критиковать Муад'Диб. Бронсо мог быть безрассудным, но он никогда не был трусом.

Друзья-вайку защищали его, предоставляли убежище и помощь. Бродячие работники, заботливые, незаметные и нетребовательные, в глазах империи они не имели конкретных личностей. Когда девятнадцать лет назад Бронсо и Пауль впервые встретились с этими бродягами, Бронсо не думал, что они окажутся столь преданными союзниками. Теперь же они тайно распределяли его «еретические» труды среди отдельных пассажиров, так что публикации появлялись на разных планетах, внешне словно без всякого места происхождения.

Люди нуждаются в правде, им нужен здоровый скептицизм, чтобы противопоставить его вздору, который содержится в «Жизни Муад'Диб» Ирулан. Бронсо выпала задача запускать маятник в противоположном направлении. Чтобы выполнить ее, приходится переносить свои слова на бумагу. Эти слова должны разъярять, они должны быть неопровержимы и привлекательны.

На протяжении всего кровавого джихада и последующего регентства Алии люди принимали репрессии во имя правоверия, потому что Пауль позволил – *позволил* – фрименским чиновникам стать прожорливой раковой опухолью. Бронсо понимал, что время от времени Пауль пытался предотвратить крайности, но война и фанатизм, подобно обожеествлявшей его мифологии, жили своей жизнью.

Измученные, испуганные люди легко забывали правду. Апологеты Пауля переписывали историю и устраняли из официальных записей ненужные события: страшные битвы, стерилизацию целых планет, массовые убийства монахов в Ланкивейском монастыре. При таком уровне нищеты, при таких массовых перемещениях людей кто усомнится в «официальных» поставщиках истины? Кто поспорит с таким безупречным источником, как сама принцесса Ирулан, жена Муад'Диб? Конечно, ее изложение и есть истина, так все и было на самом деле.

В действительности дело обстояло иначе, и Бронсо продолжал свои попытки исправить записи. Это было дело чести, и он дал слово.

Его помощник вайку Эннзин принес еду, но Бронсо не хотелось есть. Он сидел в тесной каюте на неудобной металлической скамье, погружившись в воспоминания. При свете тусклого световшара он обвинял Муад'Диб в одном преступлении за другим. Каждая его строчка была как удар хлыста.

Только разоблачив смягчающую ложь, только описав жестокости, совершенные именем Муад'Диб, только заставив человечество ужаснуться его преступлениям, Бронсо мог совершить то, что необходимо для сохранения будущего человечества.

Да убережет нас Бог от мессии, сотворенного нашими же руками.

Он писал, и события прошлого вставали перед его глазами. Он писал, и слезы лились по его лицу.

Однажды, когда Муад'Диб шел по пустыне, он встретил кенгуровую мышь, муад'диб, сидящую в тени скалы. «Расскажи мне твою историю, малышка, – сказал он. – Расскажи о твоей жизни».

Мышь была застенчива. «Никто не хочет обо мне знать, потому что я мала и незначительна. Расскажи ты мне о своей жизни».

На что Муад'Диб ответил: «Тогда и обо мне никто не хочет знать, потому что я человек и тоже не имею значения».

**«История детства Муад'Диб»
принцессы Ирулан**

Когда Алия приказала Ирулан сопровождать ее в квартал арракинских складов, принцессе пришлось подчиниться. Хоть ее избавили от смертной казни и был подписан и оформлен официальный документ о ее прощении, Ирулан знала, что регент в любой момент может отправить ее в ссылку на Салусу Секундус или куда-нибудь похуже.

Они отправились туда под охраной отряда службы безопасности и вошли в небольшой склад. Внутри, как муравьи в муравейнике, суетилось множество рабочих; они упаковывали небольшие книги, укладывали их в контейнеры, готовя к распространению по всей империи. Ирулан чувствовала в воздухе запах пыли и основанного на пряности пластика – наряду с неизбежной вонью пота и металлическим привкусом машин.

Глядя на рабочих, Ирулан узнала книгу. «Жизнь Муад'Диб».

– Это моя книга.

Алия улыбнулась, сообщая хорошую новость:

– Пересмотренное издание.

Ирулан взяла экземпляр и стала перелистывать прочные неуничтожимые страницы с мелким шрифтом.

– Что значит пересмотренное?

Она просматривала главы, пытаясь определить, что изменено, опущено или добавлено.

– Более подходящая для масс версия правды с учетом изменения политической обстановки.

Рядом с довольной Алией стоял Дункан Айдахо, молчаливый и встревоженный. По выражению его лица Ирулан не могла понять, одобряет он это, не одобряет или ему все равно.

Алия отбросила назад волосы и объяснила:

– Мой брат был терпимым и уверенным в себе человеком. В целом твои рассказы положительны, но он допускал критические замечания, сомнения в его решениях, которые рисовали его не совсем в похвальном свете. Не знаю, почему он это разрешал, но я не брат. У меня нет силы воли Муад'Дибана. Я всего лишь регент.

Ирулан слышала нотки раздражения в ее голосе.

– Скромность и самоуничижение не идут тебе, Алия.

– Времена сейчас опасные. Под угрозой будущее империи, и я иду по зыбучему песку. Все, что порочит память Муад'Дибана, ослабляет мою позицию. Памфлеты Бронсо, как черви, подгрызают наши устои, и я буду контролировать то, что смогу.

На складе рабочие грузили коробки с пересмотренной биографией на платформы с генераторами силового поля, которые перемещали их на грузовики; грузовики, в свою очередь, доставляли их на грузовые корабли. Почти миллиард экземпляров книги Ирулан уже были распространены на планетах, завоеванных Муад'Дибаном в ходе джихада.

– Твоя задача в моем правительстве – противостоять Бронсо. Правительство распространяет твои книги бесплатно, и у них будет гораздо большая аудитория, чем когда-либо сможет набрать предатель. Твоя официальная история легко одолеет его ложь, если понадобится – то и грубой силой.

Ирулан не была трусихой и не дрожала при любой угрозе ее жизни, но она считала, что обязана Паулю, и думала о благополучии близнецов, детей ее мужа.

– Чего именно ты от меня хочешь?

– Безопасность империи зависит от того, насколько почтительно люди относятся к моему брату. Отныне твои труды будут служить особой цели. Пиши о Пауле только хорошее, описывай только позитивные стороны его правления, даже если придется исказить правду. – Алия озорно улыбнулась; она походила на девочку, которую Ирулан помогала растить в первые годы правления Пауля. – И тогда тебе абсолютно нечего будет бояться.

В последующие недели Ирулан с такой страстью и воодушевлением занялась писанием, что Джессика даже удивилась. Принцесса как будто очень хотела сохранить – и укрепить – память о Пауле. В творческом порыве она писала главы, раскрывающие великую легенду Муад'Дибана; события она толковала гораздо свободнее, чем при жизни Пауля.

Находя это тревожным и безвкусным, Джессика решила поговорить с Ирулан. Ради Пауля.

В своем частном крыле обширной крепости принцесса выбрала стиль и вместе с художниками и мастерами попыталась создать эхо дворца Коррино на Кайтэйне, где она выросла. У Ирулан были собственные дворы и оранжереи, свои сухие фонтаны и обветренные памятники. Она почти все время проводила в своих помещениях и редко показывалась на публике.

Придя без охраны и носильщиков, Джессика застала Ирулан в бельведере; принцесса писала на чистых страницах. Младшая женщина подняла голову, поправила прядь золотых волос.

– Леди Джессика – какая приятная неожиданность. – Она показала на пустое кресло возле своего письменного стола. – Присоединяйся ко мне. Я рада возможности поговорить.

– Ты еще не знаешь, что я собираюсь сказать.

Ирулан слегка нахмурилась.

– Я причинила тебе какие-то неприятности?

Сев в указанное кресло, Джессика не стала выбирать слова.

– Пауль заслуживает большего, чем бесстыдная пропаганда. Ты всегда писала правду, Ирулан, и чаще всего мне не в чем было тебя упрекнуть, потому что ты лучше других помнишь Пауля. Но сейчас, сопоставляя написанное тобой с известными и неопровержимыми фактами, я вижу, что теперь это не так. Новая пересмотренная «Жизнь Муад'Диб» меня очень встревожила.

– Пересмотр Алии. – Ирулан пыталась скрыть смущение. – И вообще, кто может знать все? Моя цель не записать сухие факты, а помочь правительству сохранить стабильность в эти нелегкие времена. Ты ведь знаешь, каково это. Нас обеих учили сестры Бене Гессерит.

– Я знаю, чего хочет Алиа, и понимаю необходимость пропаганды, но теперь... вообще ничего негативного? Ни крупницы? Даже паломники с горящими глазами увидят явную ложь.

– Это точка зрения Алии; она считает, что отклонение от истины создает равновесие. – Ирулан выпрямилась. – На самом деле она права. Постоянные нелестные разоблачения Бронсо приносят большой вред, и я лично нахожу их предосудительными. Они ослабляют регентство в самый трудный, шаткий момент, когда оно еще только устанавливается. И если мои описания исторических событий слишком льстят Муад'Дибу, я просто борюсь с клеветой. – Эмоции в голосе Ирулан удивили Джессику. – История в *моих* руках – Пауль сам мне это говорил. Нельзя, чтобы соблазнительной лжи Бронсо никто не противостоял.

Джессика вздохнула. Она много лет хранила тайну Пауля, но сейчас решила, что Ирулан должна знать.

– Есть важное обстоятельство, которого ты не понимаешь.

Ирулан положила ручку и отодвинула страницу. Она казалась напряженной и очень официальной.

– Тогда просвети меня. Чего именно я не знаю?

– Бронсо когда-то был *другом Пауля*.

Ирулан нахмурилась.

– Я изучала молодость Пауля и знаю о его контактах с домом Верниус.

– И знаешь, что у Атрейдесов с иксианами вышла ссора.

– Да, но исторические сведения неполны и неопределенны. А Пауль не хотел говорить со мной об этом, когда я спрашивала.

Джессика заговорила тише, опасаясь, что кто-нибудь может подслушать, хотя для всякого, кто рылся в старых записях империи, это были общеизвестные сведения.

– Между двумя домами когда-то существовали очень прочные связи, и Пауль встретился с Бронсо, когда семья Верниус прибыла на Каладан на свадьбу Лето. Позже, когда Паулю исполнилось двенадцать лет, он отправился на Икс учиться с Бронсо – точно так же как мой Лето в молодости учился вместе с Ромбуром Верниусом. Герцог Лето считал важным обучать Пауля как будущего герцога Каладана. Мальчики стали лучшими друзьями – кровными братьями; они поклялись оберегать жизнь друг друга. А потом все изменилось.

Джессика без комментариев встретила вопросительный взгляд Ирулан. И продолжила рассказ.

Часть II

10 188 год

Паулю Атрейдесу двенадцать лет; прошло шесть месяцев с окончания Войны Убийц между домом Эказ и домом Моритани.

Три года до того, как дом Атрейдесов покинет Каладан и отправится на Арракис.

Я не жалею об испытаниях своей молодости. Все эти опыты сформировали меня таким, каков я сейчас. Если хочешь понять меня и мою мотивацию, оглянись.

«Разговоры с Муад'Дибом» принцессы Ирулан

Прибыв в лайнере Гильдии на Икс, леди Джессика с Паулем, Дунканом и Гурни отправилась на челноке на поверхность, в пещерный город Верни.

Джессика видела, как сын с интересом осматривает огромное подземное пространство с искусственным небом, изящными опорами и сверкающими колоннами, которые поднимаются от пола пещеры к потолку. Все пространство пещеры было заполнено деятельностью, слышны звуки размеренно работающих машин, и Пауль сказал:

– Рассказы отца о том времени, когда он здесь учился с домом Верниус, всего этого не описывают.

Гурни пытался не показать, какое впечатление на него произвело увиденное.

– Ты хорошо проведешь здесь время, молодой господин. Достойная традиция – сын как отец.

Дункан стоял неподвижно; возможно, вспоминал, как сражался здесь за возвращение Ромбура на трон.

– Приглашение сюда – признак того, что дом Верниусов вернулся к своей обычной жизни после изгнания с Икса захватчиков с Тлейлаксу.

Джессика взяла сына за руку.

– Что касается меня, я с нетерпением жду встречи с матерью Бронсо. Тессия часто писала мне, как скучает по Каладану.

– Тогда нужно сразу идти во дворец, – сказал Пауль. – Было бы невежливо заставлять Бронсо и его семью ждать нас.

Он едва сдерживал нетерпеливое желание пуститься в новое приключение.

За последний год Пауль заметно повзрослел: первое путешествие за пределы планеты в Эказ, первая битва в войне Убийц на Каладане и Груммане. Герцог Лето отметил раннее взросление сына, и Джессика не могла с ним не согласиться. Проводя его через опыты пранабинду, расширяя границы его ментальных и физических способностей, она начинала видеть его взрослым. В двенадцать лет Пауль был подготовлен к опасностям жизни лучше, чем большинство членов ландсраада, знакомых Джессике. Джессике казалось, что взгляд у Пауля стал мудрее, чем даже полгода назад.

Поток челноков доставлял бизнесменов, представителей КООАМ и промышленников, и в городе Верни кипела деятельность. Небольшая группа Атрейдесов проделала путь от посадочной площадки челнока до перевернутой структуры Большого Дворца, сверкавшего среди промышленных зданий. Из скользящего поезда, который нес их почти под самым потолком, они видели поразительное переплетение колонн, поддерживающих крышу, и остов гигантского лайнера Гильдии, который строили на полу центральной пещеры.

Космической гильдии постоянно требовались новые корабли, и строительство их велось лихорадочными темпами.

Когда поезд остановился у просторного входа во дворец, Пауль показал на рыжеволосого мальчика; он знал, что мальчику одиннадцать лет.

– Вон Бронсо!

Наверху сверкали мириадами призм хрустальные люстры, скрытые в стенах звуковые резонаторы проигрывали народные иксианские песни.

Среди встречающих Джессика с радостью увидела Тессию, тоже наложницу, направленную Бене Гессериг к принцу Ромбуру, после того как его временно изгнали с Икса Тлейлаксу. Ромбур на несколько лет нашел убежище на Каладане, пока не собрал достаточные силы, чтобы изгнать захватчиков и вернуть на Икс законное правительство.

Самой заметной фигурой среди встречающих был сам эрл Икса Ромбур Верниус, человек с искусственными органами и кибернетическими системами, собранными сакским медиком Веллингтоном Юэхом, личным врачом Ромбура, после того как эрл пострадал при ужасном взрыве. Сам доктор Юэх тоже был среди встречающих. Джессика помнила его еще по Каладану, когда он лечил выздоравливающего Ромбура.

Эрл Ромбур двигался неровной скованной походкой, как будто его синтетические мышцы перестали работать согласованно.

– Добро пожаловать! Добро пожаловать, мои друзья Атрейдесы! – Он двинулся вперед, и взгляд его глаз: одного настоящего, другого синтетического – сосредоточился на Пауле. – Сын моего дорогого Лето. И Джессика... Дункан Айдахо, Гурни Халлек! Как я рад снова вас видеть!

Бронсо посмотрел на отца и погугтил:

– Он рад еще и потому, что нашел предлог избежать встречи с Советом технократов.

Киборг-эрл распрямился.

– Ну, это гораздо важнее. Друзья и семья. Я пообещал герцогу Лето, что его сын будет здесь как дома.

Пауль поклонился.

– Представляюсь благородной семье Икса. Спасибо, что принимаете меня и позволяете набраться опыта.

Тессия протянула Паулю руку в официальном приветствии, потом обняла его.

– Всегда есть чему поучиться. Мы много времени проведем вместе – и, Джессика, я с нетерпением жду, когда мы снова сможем говорить. Прошло очень много времени. – Она посмотрела на мужа. – Но эрлу действительно нужно вернуться на Совет. Что Болиг Авати будет делать без тебя, дорогой?

Ромбур хмыкнул.

– Что бы я ни говорил, они поступают по-своему. – Он наклонился вперед и заговорица сказал Паулю и Джессике: – За последние два года они организовали четыре несчастных случая, чтобы избавиться от меня, но я ничего не смог доказать. – Когда Дункан и Айдахо тревожно осмотрелись, киборг лишь улыбнулся. – Не волнуйтесь. Я пообещал герцогу Лето, что вы здесь будете в безопасности.

– А с меня отец взял слово, что я обеспечу безопасность Бронсо, – сказал Пауль.

Второй мальчик вспыхнул.

– Я думал, это я должен присматривать за тобой.

Ромбур серьезно кивнул.

– Совершенно верно. Вы оба дали слово своим отцам. Теперь вам следует наблюдать друг за другом, обеспечивать друг другу безопасность и помогать всеми возможными способами. Таковы узы между Верниусами и Атрейдесами. Дружеское обещание важнее любого официального документа.

Человек-киборг постарался успокоить Джессику, Дункана и Гурни.

– Не тревожьтесь: я знаю, кто мои друзья и враги. Но технократы отбирают у меня полномочия, и скоро я стану всего лишь номинальным главой. Тогда им незачем будет покушаться на мою жизнь.

– Тогда нужно остановить их! – воскликнул Бронсо. – Я ведь когда-нибудь стану эрлом. Ромбур покачал головой.

– Дождись своего часа, сын, не спеши марать руки. Будь терпелив и узнавай побольше.

Они стояли в портике станции; тем временем через потолок с поверхности спустился лифт, и из него вышли три одетые в черное женщины. Джессика заметила их, и неведомое чутье предупредило ее, что не следует привлекать их внимание. Три сестры Бене Гессерит, две из них преподобные матери, как напыщенные вороны, прошли через толпу к платформе дополнительных поездов.

Тессия рядом с Джессикой тоже напряглась, потом с очевидной тревогой сказала:

– Что они здесь делают?

Увидев трех Бене Гессерит, Пауль понизил голос.

– Почему ты не хочешь, чтобы эти женщины тебя видели?

– Я не хотела бы отвечать на их вопросы. Их заинтересует, зачем мы здесь.

Пауль был удивлен.

– Но это не секрет, мама. Ты прилетела повидаться с мамой Бронсо. Вы с Тессией подруги, а я буду здесь учиться. Почему это должно вызвать у них вопросы?

– Сестры всегда задают вопросы, парень, – сказал Гурни. – Твоя мама права.

Тессия внимательно смотрела на трех сестер.

– Не думаю, что они здесь из-за вас. Та высокая, морщинистая, что идет впереди, – преподобная мать Стокия. Я встречалась с ней в школе матерей, и это было неприятно. Потом целую неделю, чтобы уснуть, я читала молитву против страха. Будьте начеку.

– В таком случае бьюсь об заклад, что они явились сюда не закупать новую технологию прачечных для Валлаха IX, – заметил Пауль.

Ромбур громко рассмеялся.

– Клянусь вермилионским адом, даже двенадцатилетний мальчишка подозрительно отнесся к их прилету!

Юэх нахмурился.

– Ответы без вопросов не всегда означают дурные намерения.

Он смотрел на одну из сестер Бене Гессерит, и его желтоватое болезненное лицо побледнело и стало встревоженным. Но он не объяснил, почему незнакомая женщина привлекла его внимание.

Тессия очень старалась не показать, что обеспокоена, но говорила тихо.

– Надо идти во дворец. Сестры скоро сами скажут, что им нужно. Бронсо, будь добр, покажи гостям их комнаты. И, Джессика... Поговорим позже.

Бронсо повел их в главное здание, уделяя почти все внимание Паулю.

– Тебя поселили со мной. Обещаю, мы будем дружить, как наши отцы.

Обязательство без чести ничего не стоит.

Суфир Хават, ментат и оружейный мастер дома Атрейдесов

Пока Пауль устраивался и ближе знакомился с Бронсо, Джессика встретила с женой Ромбура в женских царских покоях. Искусственная ночь начинала рассеиваться. Джессика с нетерпением ждала мирных бесед, до того как вернуться на Каладан, оставив здесь Пауля для обучения. Но вид трех сестер Бене Гессерит изменил настрой встречи.

Скоро делегация сестер откроет причину своего появления на Иксе. Джессика ни мгновения не думала, что это просто дружественный визит. Им что-то нужно. Сестры всегда чего-

нибудь хотят, и часто эти их желания связаны с контролем и властью. Не исключено, что они дерзнут ее упрекать из-за Пауля.

Джессика не питала неразумной привязанности к сыну, но побуждала его изучать не только то, что относится к политике. А поскольку других преданных учителей у него не было, делилась с ним собственными умениями, полученными у Бене Гессерит. Прежде всего, сестры вообще не хотели, чтобы она рожала сына, и Джессика не сомневалась – эти женщины не одобряют ее методов воспитания.

Ну и пусть, решила она. К этому времени Джессика уже научилась принимать независимые решения.

Джессика заставила себя улыбаться, изменить настроение.

– Я рада, что Пауль будет здесь. Ему нужен друг: на Каладане у него нет друзей-ровесников. Лето считает это слишком опасным.

– Мальчики позаботятся друг о друге. – Тессия нервничала и не могла расслабиться. – Сейчас времена гораздо более стабильные, чем когда были молоды Лето и Ромбур. Без Глейлаксу наша промышленность процветает, экспорт ежегодно растет. – Голос ее стал встревоженным. – Ромбуру приходится назначать все больше помощников. Вспомогательные вторичные компании управляют производственными центрами, и Совет технократов быстро и незаметно отбирает у него власть. Боюсь, дом Верниусов становится ненужным.

Из широко окна комнаты Тессии Джессика смотрела на огромную пещеру с ее многочисленными заводами и промышленными огнями, с толпами рабочих. Один человек не в силах распоряжаться всем этим без армии преданных управленцев; прибыли растут, и никто не хочет замедлять рост производства.

– Несмотря на политические проблемы Икса, у меня в жизни теперь есть столько всего, Джессика: семья, свой дом... и любовь, хотя ни одна сестра Бене Гессерит не признает и не поймет этого.

«Любовь», – подумала Джессика. Кое-чего сестры просто не понимают.

– Но они неизменно стараются управлять нами, даже когда мы испускаем последний вздох и переходим в Память Других.

Как тень, на пороге беззвучно показались три женщины. Тессия, изображая небрежное спокойствие, встретила взглядам с преподобной матерью Стокией и уселась в кресло.

– Расскажите, зачем вы здесь.

Женщины не представились.

Не садясь, Стокия заговорила с Тессией, словно не заметив Джессику.

– У сестер для тебя новый приказ.

Тессия не пригласила их сесть.

– Я не уверена, что приказы сестер отвечают моим интересам.

Две другие женщины заметно напряглись, а старшая, Стокия, нахмурилась.

– Нас это не заботит и никогда не заботило. Приказ есть приказ.

Джессика придвинулась к подруге.

– Может, ты объяснишь, что тебе от нее нужно?

В голосе преподобной матери прозвучала язвительная нота.

– Мы знаем, кто ты такая, Джессика. Ты не пример следования инструкциям сестер. – И, не дожидаясь ответа Джессики, снова обратилась к Тессии: – Изучив кровные линии в нашем индексе селекции, мы поняли, что нам нужно распространение твоих генов. Поэтому ты должна вернуться на Баллах IX, чтобы родить определенных детей.

Джессика заметила, как хорошо Стокия сохраняет спокойствие. В отличие от нее Тессия покраснела.

– Моя матка не ваш инкубатор, чтобы вынашивать того, кто вам нужен. Я люблю Ромбура. Он мой муж, и я не стану вашей племенной кобылой.

Одна из сестер, та, что пониже ростом, попыталась примирительно сказать:

– Это не навсегда – всего три дочери от разных отцов. – Она говорила так, словно просила, чтобы Тессия переделалась. – Когда Ромбур взял тебя в наложницы, он знал, что ты из Бене Гессерит. Он поймет, а мы больше ничего у тебя не попросим.

Джессика поняла: пора прийти подруге на помощь. И с сарказмом процитировала девиз сестер:

– Мы живем, чтобы служить.

Тессия встала.

– У меня есть другие дела. Я жена и мать и не откажусь от этого. Если вы не понимаете почему, значит, вы не разбираетесь в человеческой природе. У меня никого не будет, кроме Ромбура. Это не обсуждается.

Как ни превосходно владела собой Стокия, она выказала тень гнева. Остальные две сестры, казалось, были скорее смущены, чем расстроены ответом Тессии, побелевшей, как известняк.

– Сестра Тессия, – Стокия подчеркнула этот титул, – похоже, ты многое забыла. Отказывать Бене Гессерит опасно.

– Тем не менее, я отказываю. Вы получили ответ. Уходите.

Заставив всех вздрогнуть, в дверях показался Ромбур; его сильное тело, как заряженное орудие, было готово к действиям.

– Клянусь адом Вермилиона, вы расстроили мою жену! На Иксе вам больше не рады. Если в ближайшем лайнере Гильдии нет свободных кают, я уверен, вы сможете найти грузовой корабль.

Стокия приняла боевую стойку, две женщины рядом с ней напряглись. Неожиданно преподобная мать поклонилась.

– Как пожелаешь. Нам здесь больше не о чем говорить.

– Да, не о чем.

Стокия и ее спутницы исчезли, как тени при свете. Джессика была рассержена.

– Жаль, что тебе пришлось это выдержать.

– Сестры учили нас быть сильными. – Тессия прижалась к мужу и хрипло сказала: – Я так люблю тебя, Ромбур.

Он обнял ее сильными руками киборга.

– Я никогда в этом не сомневался.

Как последователь учения Сука, доктор Веллингтон Юэх научился обуздывать свои чувства; он всегда был хладнокровен и логичен, искренен, но не уязвим. Такой характер делал его прекрасной партией для его жены Ванны из числа сестер Бене Гессерит, которая всегда разделяла его мысли и чувства, по крайней мере на людях.

Но, когда он увидел пришедших во дворец трех сестер и узнал в одной из них *Ванну* – впервые после такой долгой разлуки, – сердце его дрогнуло. Барьеры едва не рухнули. Едва. За годы верной службы личным врачом Ромбура он часто пытался забыть, как ему не хватает ее; и убеждал себя, что их отношения прочны, как камень, какой бы долгой ни была разлука.

И вот она прибыла на Икс. Ее появление вместе с Бене Гессерит не могло быть случайностью. Но он не сказал об этом эрлу Ромбуру, решил подождать, пока не узнает, зачем она появилась. Ему хотелось верить, что она прилетела увидеть его... но он не смел.

И, когда в тот же вечер Ванна появилась на пороге его личных покоев, Юэх просто смотрел на ее узкое, но любимое лицо и чувствовал себя полным беспомощным дураком. И внешне она, сестра Бене Гессерит, казалась непроницаемой, он видел блеск ее карих глаз и знал, что эта искра предвещает неугасимое пламя.

– Я рада видеть тебя, Веллингтон.

Он сумел ответить не сразу; и этот ответ не мог передать, что он чувствует.

– Я скучал по тебе.

Ванна улыбнулась, и между ними словно рухнула стена неловкости. Женщина подошла ближе, ее поведение говорило о волнении и сдерживаемых чувствах.

– Мы так долго не виделись, мой дорогой супруг! Когда сестры объявили о предстоящей поездке на Икс, я написала прошение на имя верховной преподобной матери. Не могу описать, как мне хотелось тебя увидеть!

Когда они наконец обнялись, Юэх подумал – какая теплая, как удобно ее обнимать. Прошло много лет, между ними пролегло большое расстояние... Но все равно их многое связывает. Ему не нужно было скрывать свои чувства. Сейчас их никто не видел.

Когда они поженились на Ричезе, он был уважаемым, но ничем не примечательным врачом и Ванна стала самой подходящей партией для него. Вскоре он сам поразился глубине своего чувства к ней, а она, казалось, разделяла его любовь, хотя в этом он не мог быть окончательно уверен – никто не может быть уверен до конца, когда речь идет об одной из этих ведьм.

Юэх считал себя здравомыслящим человеком, не дурачком-романтиком, но любовь, которую он в себе обнаружил, не поддавалась анализу. Они делились мыслями и чувствами, и он убедил себя, что им с Ванной не обязательно ежедневное общение. Когда несколько лет спустя она уехала в школу матерей, расставание было печальным, но ее способности нужны были на Валлахе IX.

– Как твои медитации? Твое обучение?

Он не знал, о чем еще спросить. Он помнил времена, когда они жили на лесистом берегу озера на Ричезе, в темноте давали друг другу обещания, смеялись только им понятным шуткам. И думал, что сделали с ней сестры за прошедшие годы, чтобы изменить ее.

Ванна решительно прошла к хорошо освещенному месту у стены и остановилась, сложив на груди руки.

– Душа человека сложна, Веллингтон. Для понимания нужно много времени. – У нее были золотисто-каштановые волосы, маленький рот и тонкие губы, которые хоть редко, но изгибались в светлой улыбке. – Хочу расспросить тебя о Ромбуре и Тессе Верниус. Ты ведь личный врач эрла и должен знать ответы.

Юэх потер пальцами висячие усы и чуть нахмурился.

– Это тебе любопытно, Ванна, или спрашивают сестры? Поэтому сестры прилетели сюда?

– Нет, Веллингтон, это мое любопытство, которое полезно сестрам.

Он старался сохранить способность решать самостоятельно.

– Что ты хочешь знать?

Он чувствовал, как внутри снова воздвигаются стены.

– Кибернетические органы эрла Ромбура функционируют правильно? Его жизнь стала относительно нормальной?

– Нормальной насколько возможно. Учитывая небольшое количество сохранившегося клеточного материала, с которым мне пришлось работать после несчастного случая, компоненты Ромбура функционируют хорошо.

Она продолжила, словно задавая очередной вопрос из заранее заученного списка:

– А как леди Тессия? Бронсо родился почти двенадцать лет назад, после несчастного случая. Они могут иметь еще детей?

– У Тессии нет желания, а Ромбур не способен.

– Значит, она плодовита, а Ромбур бесплоден?

Юэх слышал свои слова, но они шли у него с языка словно сами по себе. Ему очень хотелось восстановить внутреннюю связь с ней.

– Бронсо не биологический сын Ромбура. Генетический его отец – сводный брат Ромбура Тирос Реффа, незаконный сын старого императора Элруда Второго и леди Шандо Балут. У Ромбура и Реффы одна мать. – Не в силах скрыть тревогу в голосе, Юэх быстро добавил: – Мальчик не знает. Мы сохранили это в тайне. Ты знаешь, как предвзято относятся к искусственному осеменению.

«Почему я ей об этом рассказываю?»

Его лицо стало суровым.

– То же самое касается замены поврежденных органов кибернетическими компонентами. То, что я восстановил в тебе, демонстрирует возможности моей работы. – Он снова почувствовал боль. – Ты можешь иметь детей.

Ванна ответила, как незнакомка:

– Кое-чему не суждено осуществиться, Веллингтон. Будь доволен тем, что у нас есть.

Он всегда хотел иметь детей, но почти сразу после их брака Ванна попала в серьезную передрыгу, в которой были повреждены ее репродуктивные органы. Когда она поправилась, Юэх сумел заменить поврежденные ткани и органы, так что она снова была способна рожать – теоретически. Но не стала.

И сейчас в его сознании неожиданно возник вопрос. Юэх не был уверен, что хочет знать ответ, но не сумел сдержаться.

– Скажи мне правду. Сестры запретили тебе рожать?

Ванна еще мгновение сохраняла невозмутимость и спокойствие, потом все рухнуло. Пусть прошло много лет, но он знал ее достаточно хорошо, чтобы заметить небольшие перемены, уловить оттенки настроения.

– О, у меня были дети, Веллингтон. Я родила четверых – отпрысков тех, на кого указывали сестры Бене Гессерит: важные линии кровного родства, необходимые комбинации генов.

Она задрожала, и он крепко обнял ее, боясь пошевелиться, потрясенный ее откровением. Он не мог выразить свое недоверие... потому что в глубине души знал – она говорит правду.

– Замененные тобой органы служат превосходно... но твоя генетическая линия, любимый, не соответствует плану Бене Гессерит. – Она посмотрела на него полными боли глазами. – Прости. Я не могла...

Он знал: она хочет, чтобы он понял, каковы ее обязательства, и смирился с тем, что значит жениться на сестре из Бене Гессерит. Но он застыл, пытаясь справиться с потрясением.

– У тебя... четверо детей?

– Их забирали у меня сразу по рождении. Я не переставала думать о тебе, но мне пришлось отсечь эти мысли, защититься. Сестры Бене Гессерит научили меня справляться с эмоциями, но сейчас... не знаю даже, помнила ли я, что чувствовала к тебе когда-то.

Он стоял молча, не способный ничего сказать, а она попыталась взять себя в руки и отстраниться.

– Мне пора.

Потрясенный, он крепко обнял ее.

– Так скоро?

Ванна посмотрела на него, и лицо ее смягчилось.

– Нет, пока еще нет. Я могу остаться с тобой на ночь.

Конечно, мы сильно рискуем. Так мы живем. Увы, но так же мы умираем.

Эрл Доминик Верниус с Икса

Мать научила Пауля сосредоточиваться, собираться – от мельчайшей мышцы до всего организма, чувствовать каждый нерв, изолировать малейшие ощущения. Он мог сосредоточиться на проблеме и думать, пока не найдет решения.

А вот Бронсо Верниус не мог спокойно просидеть и нескольких минут. Его интересы непрерывно менялись. Ему никогда не нравилась атмосфера строгой дисциплины во время обучения, с фильмокнигами и скучными учителями; одиннадцатилетний мальчик предпочитал учиться, задавая вопросы отцу во дворце. Так он узнал об отравлениях и убийствах, об искусственном изготовлении пряности, о том, как тлейлаксы захватили Икс и Ромбур искал убежища на Каладане... о тяжелых ранах отца и о том, как доктор Юэх заменил органы тела кибернетическими.

Пауль впервые встретил медноволосого юного Бронсо в день, когда семья Верниусов пришла на закончившееся катастрофой бракосочетание герцога Лето и Илезы Эказ. Мальчик был заинтересован, хотя держался напряженно и немного странно. Пауль прилетел на Икс учиться, изучать новую культуру, но у его товарища были совсем другие планы.

– Ты готов испугаться, Пауль? По-настоящему испугаться?

– Как?

Пауль знал, что Дункан и Гурни остановят его, если будет хоть малейшая опасность. К тому же они только прибыли.

Бронсо встал из-за парты и отбросил в сторону фильмокниги с данными о многочисленных планетах империи.

– Подняться на здание – снаружи. Готов?

– Я забирался на приморские утесы на Каладане. – Пауль помолчал. – У тебя есть снаряжение, или мы пойдем как есть?

Бронсо рассмеялся.

– Ты мне нравишься, Пауль Атрейде. Морские утесы! Когда я закончу с тобой разбираться, ты будешь плакать, как младенец. – Из своего личного ящика он достал набор присосок и подвеску с портативным генератором силового поля и бросил все это Паулю. – Бери мои. Они все равно сломаны.

Он порылся в ящике, нашел для себя новый набор и распечатал упаковку.

Пауль прошел вслед за другом по проходам и коридорам к открытому балкону высоко под потолком пещеры; здесь свистел ветер. Бронсо пальцем начертил маршрут к опоре поддержки, от нее к мостику и наконец на свисающую крышу.

– Пройдем этой дорогой, и, если тебе хватит храбрости, вернемся во дворец.

Бронсо стал одеваться, а Пауль разглядывал присоски, которыми тот часто пользовался. Некоторые швы показались ему надрезанными, словно незаметным прикосновением виброножа. Он не был знаком с таким снаряжением, но чутье подсказало, что надо присмотреться внимательнее.

– Слушай, они откажут, как только я поднимусь на стену.

Бронсо взглянул на присоски.

– Да я каждый день ими пользуюсь. И они всегда были исправны. – Он посмотрел внимательнее. – Кто-то с ними повозился.

– Кто-то хочет тебя убить?

Вопрос звучал слишком мелодраматично, но Пауль не раз видел смертельную вражду и соперничество.

Бронсо рассмеялся – чересчур громко.

– Совет технократов будет очень доволен, если «случайно» погибнет единственный наследник дома Верниусов. Они уже пытались устроить неприятности отцу, но меня пока не трогали.

– Надо сообщить об этом.

Пауль вспомнил уроки Суфира Хавата, Гурни Халлека и Дункана Айдахо. Индикаторы яда, личная защита, охрана... такова жизнь благородных семейств ландсраада.

– Покажу отцу, но Болиг Авати слишком умен, чтобы оставлять следы. Все равно родители будут недовольны.

Пауль уверенно ответил:

– Суфир Хават говорил мне, что, когда знаешь об опасности, уже наполовину устранил ее.

Человек способен стать страшным оружием. Но любое оружие может ударить по хозяину.

Руководство для учениц Бене Гессерит

Самые темные, тихие часы ночи Тессия часто проводила в одиночестве в личных покоях, потому что Ромбур почти не нуждался во сне; неутомимый руководитель-киборг ночами ходил по коридорам в потолке города Верни и по прозрачным переходам, соединяющим структуры-сталактиты.

Тессия проснулась в темноте с ощущением: что-то неладно. Моргая, она поняла, что рядом с ней кто-то стоит – чужой! Привыкшие к темноте зрачки расширились, и Тессия открыла рот, собираясь закричать.

Приказ, произнесенный Голосом, разрубил ее сознание, словно топором. Голос был женский:

– Молчи!

Гортань Тесы замкнуло, ее голосовые связки окаменели. Даже легкие перестали выдыхать воздух. Как Бене Гессерит, Тессия училась сопротивляться Голосу, но этот удар был нанесен искусным мастером, который хорошо знал Тессию и ее слабые места.

Когда ее глаза привыкли к мраку, она различила рядом с собой преподобную мать Стокию. Тессия чувствовала себя, как насекомое, приколотое к доске длинной иглой. Ей очень хотелось закричать, но мышцы не повиновались.

Стокия наклонилась, дыхание ее было мягким, как шепот.

– Ты зря поверила, что у тебя есть свобода выбора. Встань.

Тессия, как марионетка, поднялась с постели. Ноги выпрямились, колени напряглись: Тессия стояла перед преподобной матерью.

– Правила Бене Гессерит противоречат желаниям индивидов. Ты всегда это принимала. Тебе следует напомнить о твоём месте – весьма малозначительном – в мире *Бене Гессерит*.

Тессия прохрипела, дивясь собственной силе:

– Отказываюсь.

– Ты не можешь отказаться. Я уже ясно дала это понять. – В темноте морщины на лице Стокии напоминали черные линии карты. – Ты всегда служила нашим целям, а теперь я использую тебя по-другому. Сестры не могут оставить открытый вызов без последствий. Поэтому ты должна увидеть свою вину и *почувствовать* ее. *Понять*. – Ее сухие, как бумага, губы изогнулись в улыбке. – Сестры разработали новое оружие. Эта техника объединяет психологическую подготовку и подготовку жонглера. Я первая из Бене Гессерит возлагающая вину и самая могущественная, и ты будешь повиноваться.

Возлагающие вину... женщины, способные манипулировать мыслями и чувствами, усиливая сомнения и сожаления человека, направляющие их вспять, как лазерный луч, отраженный от зеркала. Тессия думала, что это только страшный слух; его распространяют надзиратели, запугивая новичков.

– Ты должна сожалеть о своем поступке. – Голос Стокии звучал вкрадчиво и ядовито, без капли горячности. – Сожалеть и считать себя виноватой.

Тессия почувствовала психические волны. Сердце ее заколотилось, сознание стало ошутимой тяжестью. Она едва дышала.

– Как ты могла предать сестер после всего, что мы для тебя сделали? Мы всему тебя научили. – Голос Стоки, коварный, пронизывающий, разрушал плотины памяти и сожаления

в сознании Тессии. – Мы послали тебя с заданием, а ты подвела нас. – Каждое слово царапало по нервам, словно острый гвоздь. – Ты отвернулась от нас. Подвела нас. Хуже того, ты поддавалась любви.

Тессия хотела отпрянуть, уйти от обвинений, но не могла пошевелиться. Тяжесть давила, в голове гудело, мысли мешались.

– Ты предала и своего сына. Знает ли Бронсо, что Ромбур не его отец? Ты позволила, чтобы тебя оплодотворило семя другого мужчины, во имя любви – но отказываешься сделать это ради нас?

Хотя голос Стокии не изменился, ее слова в голове Тессии звучали все громче. Каждая фраза превращалась в крик. Тессия закрыла глаза, задрожала и попыталась выскользнуть в коридор. Стокия владела своей силой, как мастер-жонглер, способный подчинить себе любого зрителя, останавливать сердца ужасом и выжимать слезы из глаз.

Крошечная капля здравого смысла, сохранившаяся в сознании Тессии, говорила, что эти слова преувеличение, что они лживы. Она цеплялась за свою любовь к Ромбуру, к Бронсо. И терпела поражение.

Угнетающий густой туман окутал тело Тессии, душил ее, как черный призрак, и Тессия упала на пол. Она больше ничего не слышала, но слова продолжали звучать в ее сознании. Она не могла пошевелиться, не могла бежать, не могла закричать. Она старалась отступить, найти убежище у себя в сознании, возможность сопротивляться, убежденная, что больше не выдержит.

Но давление продолжалось... и продолжалось.

Небольшая передышка удивила ее, она снова могла видеть. Стокия стояла в дверях, готовая уйти.

– Не забывай, что твои сердце, сознание, душа и тело принадлежат Бене Гессерит. Ты существуешь, чтобы служить. Обдумай это в своем личном аду.

Она сделала пренебрежительный жест, произнесла что-то и замкнула завесы вины вокруг Тессии.

С мысленным криком сознание Тессии единственной черной точкой скрылось в ее глубине. Но даже здесь она не была в безопасности.

* * *

Вернувшись к себе, Ромбур нашел жену лежащей на полу; она была в сознании, но на вопросы не отвечала. Глаза у нее остекленели и ничего не видели; по телу пробежала дрожь, как будто нервы действовали наобум. Ромбур тряс ее, звал по имени, но не получил ответа.

Тессия поникла, как умирающая бабочка. Уложив ее в кровать, Ромбур вызвал медиков. Он приказал немедленно закрыть дворец и отправил несколько групп на поиски убийцы, опасаясь, что Тессию отравили.

Прибежал доктор Юэх, проверил пульс и деятельность мозга. Просканировал образцы крови, чтобы проверить, нет ли наркотиков или яда.

– Не вижу очевидной причины, милорд. Голова не повреждена, следов уколов или других признаков применения яда нет.

Ромбур был подобен перегретому двигателю, готовому взорваться.

– Клянусь адом Вермиллиона, кто-то же это сделал!

Продолжал звучать сигнал тревоги, прибежали стражники. Пришли Гурни Халлек и Дункан Айдахо, а за ними встревоженная Джессика. Прибежали Бронсо и Пауль. Мальчики обеспокоились и смутились, увидев Тессию со стиснутыми челюстями, с дергающимися и дрожащими веками.

Испуганный и рассерженный Бронсо сразу сделал вывод:

– Технократы не смогли убить меня и напали на маму.

Ромбур видел снаряжение, поврежденное предположительно агентами Совета технократов.

– Новая попытка ударить по мне – через жену?

Юэх поднял голову от портативных диагностических инструментов, покачал ею и сказал:

– Никаких заметных признаков яда.

– Кто еще мог привести ее в такое состояние? – спросил Дункан.

Заговорил Пауль:

– Какой-то станнер, оружие, поражающее нервную систему? У Икса есть новое такое оружие?

Ромбур чувствовал себя так, словно его искусственные системы вот-вот откажут.

– Я не могу быть в курсе всех проектов, которые разрабатывают мои ученые. Вижу результаты, только когда орудие предлагают на продажу. Это... возможно, признаю. – Он заговорил так громко, что задребезжали оконные стекла: – Вызовите Болига Авати! Скажите, что эрл требует его присутствия – и это не просьба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.